

НИКОЛАИ АЛЕКСЕЕВ

ОСКОЛКОМ ОБОРВАННАЯ ЖИЗНЬ

ГЕРОИ СОВЕТСКОЙ РОДИНЫ

ГЕРОИ СОВЕТСКОЙ РОДИНЫ

НИКОЛАЙ АЛЕКСЕЕВ

ОСКОЛКОМ ОБОРВАННАЯ ЖИЗНЬ

Москва · Издательство политической литературы · 1978

Алексеев Николай Иванович.

А47 Осколком оборванная жизнь. М., Политиздат, 1978.

104 с. с ил. (Герои Советской Родины).

Писатель генерал-майор Н. И. Алексеев в книге об Иване Даниловиче Черняховском создает запоминающийся образ талантливого военачальника, замечательного человека. Автор выбрал для рассказа короткий, но, пожалуй, самый значительный период жизни Черняховского, когда он командовал 3-м Белорусским фронтом. Автор имел возможность наблюдать, как командующий фронтом участвовал в разработке операций «Вагратион», Вильнюско-Каунасской и Восточно-Прусской, как готовил войска к боям.

А $\frac{10604-046}{079(02)-78}$ 215—78

9(C)273

Заведующий редакцией *А. И. Котеленец*
 Редактор *Л. И. Стебакова*
 Младший редактор *И. А. Дегтярева*
 Художественный редактор *Г. Ф. Семиреченко*
 Технический редактор *О. М. Семенова*

ИБ № 1260

Сдано в набор 11 октября 1977 г. Подписано в печать 5 января 1978 г. Формат 70×108^{1/32}. Бумага типографская № 1. Условн. печ. л. 4,73. Учетно-изд. л. 4,34. Тираж 200 тыс. экз. А 00001. Заказ № 2186. Цена 15 коп.

Политиздат. 125811, ГСП, Москва, А-47, Миусская пл., 7.

Ордена Ленина типография «Красный пролетарий». Москва, Краснопролетарская, 16.

Шел 1944 год. На фронте и в тылу все с волнением слушали сводки Совинформбюро, сообщавшие о переходе в наступление Ленинградского и Волховского фронтов, об освобождении ими Новгорода, Луги, Старой Руссы, Пскова, радовались успехам Украинских фронтов. А мы, работники полевого управления Западного фронта, особенно «минчане»¹, досадовали, что о нашем Западном фронте ни слова, будто его и не было вовсе, хотя у нас то на одном, то на другом участке шли оборонительные бои. В этих боях основательно измотались, устали и войска, и командование фронтом. Хотелось дать отдых войскам, пополнить их и скорее двинуться вперед — освобождать родную Белоруссию.

«Но когда? Когда?» — с нетерпением спрашивали мы друг друга.

И вот ясным апрельским утром появилась первая «весенняя ласточка»: наш фронт переименовывался в 3-й Белорусский.

¹ Полевое управление Западного фронта в основном состояло из генералов и офицеров штаба и управлений Западного особого военного округа, размещавшегося до войны в Минске.

Слово «Белорусский» несбыкновенно обрадовало нас. Мы ловили каждое сообщение, ожидая назначения нового командования. Кто же будет командовать нашим фронтом? Хотелось, чтобы его возглавил заслуженный, с большим боевым опытом и славой полководец, который в своем лице воплотил бы боевые традиции прошлого, героизм настоящего, несокрушимый дух советского воина.

Наконец пронесся слух: едет новый командующий. Я заторопился к члену Военного совета фронта генерал-лейтенанту Василию Емельяновичу Макарову, полагая, что он-то уж наверное знает.

Из-за стены глухо доносился голос Макарова, он говорил по телефону:

— Все готово? Хорошо. Встречайте. Как только появится, звоните!

Тут же майор И. Б. Вигушин пригласил всех в кабинет.

— Выкладывайте наиболее срочное. А то вот-вот новый командующий приедет,— сказал Макаров.

— А кто? — разом спросили мы.

— Генерал-полковник Черняховский.

— Черняховский?

— Да, командующий 60-й армией.— Увидев сомнение на наших лицах, Василий Емельянович поспешил нас успокоить: — Я говорил с Генштабом, мне сообщили, что это боевой генерал. Его армия отличилась и под Воронежем, и при взятии Курска, на Курской дуге, и при форсировании Днепра...

Нахлынули мысли. «Черняховский? Какой это Черняховский? — напрягал я память.— Неужели тот подполковник Черняховский, который в тридцать девятом и сороковом годах командовал в Западном особом военном округе легкотанковым полком в Гомеле? Не может быть. Тот совсем молодой». — И я

стал перебирать в памяти все то, что помнил из сводок Совинформбюро. Однажды сообщалось: части полковника Черняховского показали примеры беззаветной храбрости и героизма при защите Новгорода. Слышал о его успехах на Воронежском фронте: «В одном бою части генерал-майора Черняховского уничтожили 48 танков, в другом — 52». Тогда казалось, что это наш Черняховский. Но смущало общевойсковое звание: ведь он был танкистом. Зимой сорок третьего, после взятия Курска, прочитал в официальной сводке, что «в освобождении Воронежа и Курска отличились части генерал-лейтенанта Черняховского...» «Генерал-лейтенант? Значит, командарм». И тогда мы решили, что это не наш, вероятно однофамилец, а Иван Данилович где-то там, на севере, воюет, поскольку он со своей 28-й танковой дивизией в 1941 году отходил из-под Шяуляя на северо-восток.

Несколько позже дошел слух, что при форсировании Днепра проявили героизм и мужество войска генерала Черняховского. Я сомневался: он ли?

Приглушенно зазвонил телефонный звонок.

— Уже здесь? — удивился Макаров. — Иду... Командующий приехал, — объяснил он.

Я вспомнил мартовскую ночь сорокового года в Гомеле, когда расставался на вокзале с подполковником Черняховским. В Гомель я приезжал подбирать кандидатов на должности командиров полков во вновь формируемые танковые и мотострелковые дивизии. Отправился в полк, который во время последней инспекторской проверки вышел на первое место, за что его командиру майору И. Д. Черняховскому было досрочно присвоено звание «подполковник». Я повнимательнее присмотрелся и к самому командиру полка. Он произвел на меня хорошее впечатление.

чатление командирской собранностью, остротой мысли, широким военным и политическим кругозором, большой заботой о людях и стремлением воспитывать у них высокие моральные и боевые качества. Невольно припомнилось выступление Черняховского (в то время он командовал тем же отдельным легкотанковым полком) на совещании партийного актива. Я тоже присутствовал там. Это было летом 1939 года. Выступление Ивана Даниловича запомнилось мне. Чувствовалось, что комполка серьезно относится к политической подготовке воинов.

— Вся наша партийная и политическая пропаганда должна быть пронизана решениями Восемнадцатого съезда партии. Международное положение таково, что заставляет нас, боевые друзья, быть на чеку,—Иван Данилович гулко опустил ладонь на трибуну.—Особое внимание, товарищи, надо обратить на воспитание у воинов высокого чувства патриотизма, ответственности за выполнение своего воинского долга перед народом, Родиной, партией...

Не раз бывал я в полку Черняховского. Видел, что он не просто отдает дань партийно-политической работе, а с удовольствием активно участвует в ней. Я знал, что комсомольскую закалку он получил еще в юношеские годы: в пятнадцать лет — активный комсомолец, в шестнадцать — секретарь комсомольской организации. На восемнадцатом году по путевке комсомола идет учиться в Одесскую пехотную школу, а через год его переводят в Киевскую артиллерийскую школу. Там комсомолец Иван Черняховский в 1928 году вступает в Коммунистическую партию. Окончив артиллерийскую школу, Иван Данилович получает назначение в артиллерийский полк в Белую Церковь командиром учебного взвода. Да, у него неплохая военная биография: до 1931 года ар-

тиллерист, в 1936 году с отличием оканчивает командный факультет Академии механизации и моторизации. С 1938 года командует танковым полком. Полк на хорошем счету в округе. «Если дать Черняховскому возможность попрактиковаться в должности заместителя командира танковой дивизии,— рассуждал тогда я,— то из него получится прекрасный и перспективный командир дивизии».

Прощаясь со мной, Черняховский убедительно просил никого из полка не брать. Видел, как он расстроился, когда я ему сказал, что этого обещать не могу. А три месяца спустя—это уже было в Минске, в отделе кадров округа,—я сильно огорчил его, сообщив распоряжение об откомандировании на должности командиров танковых полков двух самых лучших командиров батальонов.

— Это, товарищ полковник, моя опора в боевой подготовке полка,—со вздохом произнес Черняховский.

Между прочим, я решил исподволь выяснить, как он отнесется к назначению его на должность замкомдива. Начал с того, что рассказал ему о формировании новых танковых и механизированных частей и соединений и о том, как трудно с подбором командных кадров. Он был человек умный и, конечно, понял, к чему этот разговор. Попутно спросил его:

— Как семья? Анастасия Григорьевна?

— Семья здорова. Дочь перешла в четвертый класс, а сын еще под стол пешком ходит. Анастасия Григорьевна, известное дело, с ребятами. У хозяйки всегда забот полон рот.—Он улыбнулся и поинтересовался: —Куда же предстоит назначение?

— Сейчас, Иван Данилович, ничего сказать не могу,—ответил я.—А как вы смотрите, если вас назначат заместителем командира танковой дивизии?

Иван Данилович ответил не сразу. Помрачневшее лицо выдало его. Я понимал, как тяжело ему будет расставаться с полком. Но сказать, что Военный совет, назначая его замкомдивом, одновременно представляет наркому кандидатом на должность командира танковой дивизии, не мог.

На том мы и расстались. А через месяц я вручил ему предписание направиться в Литву на должность заместителя командира 2-й танковой дивизии.

Прощаясь, Иван Данилович не без сожаления промолвил:

— Полк жаль. Если бы вы знали, сколько в него вложено сил и труда! А люди там, товарищ Алексеев, золото...

И вот командующий фронтом прибыл.

Около полудня пропищал зуммер телефона. Понесся незнакомый голос:

— Генерал Алексеев? Вас приглашает командующий.

Слово «приглашает» в нашей фронтовой обстановке звучало необычно.

КП фронта находился недалеко от деревни Нетьяжи, в лесу, и минут через пятнадцать я уже был там. Домик командующего, построенный поздней осенью саперами, тонул в чаще еще не одевшегося после зимы леса. Я вошел в приемную, залитую ярким светом весеннего солнца. Меня встретил подполковник А. И. Комаров — порученец командующего. Он попросил немного подождать. Наконец от командующего вышел с тоненькой папкой в руках один из ветеранов Западного фронта, «минчанин» майор А. П. Куропаткин, и подполковник Комаров пригласил меня в комнату командующего.

Не успел я перешагнуть порог, как из-за стола поднялся и пошел навстречу статный, с густой шевелюрой генерал-полковник Черняховский.

— Здравствуйте, товарищ Алексеев,— пожал он мне руку.— Давненько мы с вами не встречались.

— Четыре года, товарищ командующий,— ответил я.

— Да, четыре года...— протянул Иван Данилович и предложил сесть у стола. Сам сел напротив меня. На его груди сверкали Звезда Героя, три ордена Красного Знамени, два ордена Суворова, орден Кутузова и Богдана Хмельницкого.— Как здоровье?

— Благодарю, всяко бывает,— ответил я.

И вдруг он неожиданно сказал такое, что тронуло меня до глубины души:

— В то время, еще до войны, когда последний раз был у вас в Минске, слышал, что вы написали роман. Откровенно говоря, меня тогда удивило, как это вы при такой громадной загрузке работой еще успеваете писать. И теперь пишете?

— Теперь? Теперь редко, лишь во время затишья.

— Ночами?

— Другого-то времени нет...

— Да,— протянул Иван Данилович,— другого времени нет.— Он в такт слов тихо постукивал подушечками пальцев по столу и смотрел на меня глазами, полными сочувствия.— Молодец вы, Николай Иванович... Но война требует от нас отдачи всех сил и до конца. Поэтому скажу — щадите себя.— И добавил: — Ночью обязательно спите.

Заботливо относился Иван Данилович ко всем, но особенно к своим товарищам по работе. Я был очевидцем, как он наставлял врача штабной санчасти Совлукова Сергея Петровича, который лечил его са-

мого: — Сегодня генерал Иголкин мне не понравился. Спрашиваю: «Вам нездоровится?» Отвечает: «Никак нет». — «Ночь не спали?» — «Нет, спал». По-моему, Сергей Петрович, у него со здоровьем плохо, а он скрывает... Конечно, понятно, ведь он начальник оперативного управления фронта. Фронта! Работы много, и он определенно сидит ночами. Посмотрите его, пожалуйста, и доложите мне, чем можно ему помочь.

Непринужденная беседа длилась с полчаса. Затем Иван Данилович пригласил меня к длинному покату столу у окна, на котором лежала широко разложенная карта оперативной обстановки.

— С командармами, их начальниками штабов и командирами корпусов меня обстоятельно познакомили член Военного совета фронта Макаров и начальник штаба фронта Покровский. А от вас хочу узнать о командирах дивизий и полков. — Иван Данилович положил на карту блокнот. — Если не возражаете, то начнем с правого фланга. — Он опустил карандаш на красный кружок, обозначавший 251-ю стрелковую дивизию. — Биографические данные как можно короче, подробнее морально-боевые качества и особенности характера... А то, не зная людей, поначалу и дров наломать можно.

Мне понравилась такая постановка вопроса. Я начал свой доклад с командира дивизии генерал-майора А. А. Вольхина. Рассказал, что за неудачные бои в районе Рославля в июле 1941 года он был снят с должности, понижен в звании и направлен на наш фронт.

— Мы его поставили на полк, позже назначили замкомдивом, а затем и командиром дивизии. Вслед за этим добились и восстановления ему прежнего генеральского звания.

— Как он теперь? — поинтересовался командующий.

— Травма не прошла бесследно, отразилась на здоровье, да немного и на характере. Хороший, боевой командир...

Так мы перебирали дивизию за дивизией, полк за полком. Командующий записывал в блокнот особенности характера каждого командира. Когда я закончил, Черняховский доверительно сказал:

— К середине июня надо укомплектовать все дивизии, да и резерв офицеров накопить, с таким расчетом, чтобы хватило на целый месяц наступательной операции, вплоть до Минска, а то и дальше.— Затем, поднявшись, продолжал: — Здесь неподалеку служит мой брат, подполковник Черняховский Александр Данилович,— он назвал полевою почту брата.— Разыщите его, пожалуйста.

На том мы и расстались. Я возвращался к себе в приподнятом настроении. И радостно повторял про себя слова, сказанные командующим: «Вплоть до Минска, а то и дальше».

2

Фронт перешел к обороне. Дивизии поочередно выводились в тыл, в резерв армии или фронта, чтобы там, в лесах, привести себя в порядок, отдохнуть и дней через десять снова встать на передовую. Пользуясь этой оперативной паузой, штаб и все фронтовые управления стремились в кратчайшие сроки привести войска в боевое состояние. Командование фронта хранило предстоящую операцию в строгой тайне. Развивая и совершенствуя оборону, отводя

дивизии и части в тыл, мы стремились ввести в заблуждение противника, заставить поверить его в то, что фронт готовится не к наступлению, а к обороне. Новый командующий, изучая обстановку и состояние войск, нацеливал командиров на подготовку войск к прорыву, окружению противника и стремительному его преследованию.

Желая лучше узнать войска, особенно те, которые будут первыми прорывать «Восточный вал» противника, генерал Черняховский почти каждый день выезжал вместе с группой генералов и офицеров штаба фронта и членом Военного совета не только в штабы армий, но и в дивизии переднего края. Находясь в частях на передовой, общаясь там с воинами, он, что называется, щупал своими руками ту землю, по которой полки дивизии пойдут в атаку.

Вот и сегодня потянуло командующего туда, где будет решаться судьба Витебска, — на правый фланг, в 39-ю армию. Потянуло туда и потому, что командовал ею генерал Берзарин Николай Эрастович, которого очень хотелось повидать, поговорить с ним. Не забыть осень первого года войны, бои за Новгород, когда судьба свела их. И дальше 241-я стрелковая дивизия под командованием И. Д. Черняховского сражалась на демянском направлении зиму 1941/42 года. В то время 34-я армия Берзарина совместно с соседними армиями Северо-Западного фронта вела там наступательные бои по окружению двух корпусов 16-й армии генерала Буша. 20 февраля советские войска замкнули кольцо и целых два месяца держали почти семидесятитысячную группировку гитлеровцев в демянском «мешке».

Николай Эрастович высоко ценил храброго командива, потому всячески ему содействовал, особенно в переводе его, как этого хотел сам Черняховский,

в танковые войска. Берзарин сделал все нужные представления командованию фронта и дал полковнику Черняховскому замечательную характеристику.

Ивана Даниловича вызвали в Москву к генералу Я. Н. Федоренко — командующему бронетанковыми и механизированными войсками Красной Армии. И там сбылось желание Черняховского: он был назначен командиром 18-го танкового корпуса, действовавшего в составе войск Воронежского фронта. Не прошло и полутора месяцев, как Иван Данилович стал командующим 60-й армией, которая в это время вела упорные бои за Воронеж. Так с легкой руки Берзарина за два года полковник И. Д. Черняховский стал генерал-полковником и командующим фронтом, действующим на важном операционном направлении.

И сейчас Черняховский все это вспомнил и еще то, как Николай Эрастович душевно с ним прощался, провожая в другую армию:

— От всей души желаю вам, Иван Данилович, еще больших успехов! — и, обняв, поцеловал..

Не теряя времени, Черняховский вышел на крыльцо, проделал утреннюю зарядку, вернувшись в дом, умылся до пояса и вдруг, взглянув на часы, ахнул.

— Алеша! Как же так, дорогой? — бросил он укоризненный взгляд на порученца.

— До зари работали, — оправдывался подполковник Комаров.

Но командующий уже звонил генералу Макарову:

— Доброе утро, Василий Емельянович! Черняховский. Завтракали? Жаль. Кто у вас? Начальник политуправления генерал Казбинцев? Тогда после

беседы с ним едемте к гвардейцам на левый фланг армии Берзарина. Ведь им наверняка придется играть первую скрипку... Вчера по телефону я с Николаем Эрастовичем договорился, что он с утра работает по своему плану в 84-м корпусе генерала Прокофьева. А во второй половине дня встретимся с ним в штабе. Там пробудем недолго, так часика два. На обратном пути, если не очень устанем, заглянем к Вольхину. Форма одежды, — шутя продолжал Иван Данилович, глядя на ползущую тучу, — кожаное пальто.

У этих двух людей с первых дней совместной службы сложились прекрасные товарищеские отношения, впоследствии переросшие в настоящую боевую дружбу, дружбу, которая помогала и командующему фронтом, и члену Военного совета в их многогранной деятельности. Макаров до войны был секретарем Московского комитета партии. В конце лета 1941 года Центральный Комитет партии направил его на Брянский фронт членом Военного совета, а в ноябре того же года, когда враг находился на подступах к Москве, его назначили начальником политуправления Западного фронта. Участвуя в битве под Москвой и во всех фронтовых операциях 1941—1944 годов, Василий Емельянович приобрел большой опыт в руководстве политорганами и партийными организациями фронта, вырос в крупного военно-политического руководителя и, конечно, явился хорошей опорой молодому командующему фронтом. И теперь во всех поездках в войска они вместе. Это было хорошо, так как там, на месте, они сразу решали и вопросы компетенции командующего фронтом, и вопросы партийно-политической работы в войсках.

Командир 17-й гвардейской стрелковой дивизии встретил их на Витебском шоссе и провел прямо к себе на КП, куда были вызваны начальник штаба дивизии и начальник разведки.

Черняховский, познакомившись с обстановкой и состоянием дивизии, начал расспрашивать и о поведении противника, и о системе обороны, и о характере занимаемой им местности на всю тактическую глубину.

— Что из себя представляет Суходровка? — Генерал Черняховский остановил карандаш на излучине реки.

— Суходровка сейчас разлилась. А так она неширокая... — докладывал комдив.

— А берега топкие? — Командующий хотел знать, пройдут ли танки.

— Сейчас трудно сказать: все залито водой. Берега низкие.

— А берега Лучесы?

— Обрывистые. Но здесь, товарищ командующий, меня волнуют не так обрывистые берега Лучесы, как мосты на ней...

— Мосты на Лучесе? — удивился Черняховский. — Где?

Комдив показал на карте на три узеньких черных коридора — обозначение мостов, пересекающих извилистую ниточку реки.

— Под самым передним краем? Где у противника только две траншеи и целых три моста? Странно... Это достоверно? — Черняховский испытующе смотрел на комдива.

— Вполне.

— Да-а,— многозначительно протянул командующий, стуча пальцем по этим «коридорчикам»,— мосты, генерал, заставляют нас быть начеку. Это направление,— командующий провел карандашом по дуге через Островно к Западной Двине,— должно нас очень интересовать. Вы находитесь на левом фланге армии. Вам придется вместе с правым соседом — 19-й гвардейской дивизией — окружать витебскую группировку. А может быть, развернувшись фронтом на запад, и преследовать противника.

— Понимаю, товарищ командующий,— привстал генерал, довольный такой сложной и в то же время благородной задачей.

Черняховский резко перевел карандаш к деревне Языково.

— Откровенно говоря, я беспокоюсь за ваш левый фланг. Здесь можно ожидать от противника всего. Он, видно, давно разведаль, что здесь стык наших армий, и может внезапно по этим мостам форсировать Лучесу и садануть вас под левое ребро. Так или не так?

— Так, товарищ командующий.

— А чтобы этого не произошло, на вас, генерал, и на вашего левого соседа,— продолжал генерал Черняховский,— возлагаю персональную ответственность за этот стык... Так что серьезно подумайте. Пока все. В шестнадцать ноль-ноль соберите командиров полков, их заместителей и начальников штабов. Место по вашему усмотрению. А сейчас вот сюда,— показал он на карте,— на левый фланг левофлангового полка.

— Туда? — удивился комдив.— Не рекомендую. Туда никакая машина не пройдет. Распутица все дороги размочалила.

— Пока можно — поедем, а там пешком.

Не проехали и полукилометра, как у разлившегося в лесу ручья их остановил одетый по-зимнему командир полка. Пришлось машины оставить, ручей перейти по скользкой бревенчатой кладке и, подняв полы, шагать за ним по бурому месиву.

На КП полка командующий задерживаться не стал, предложил командиру вести его в левофланговый батальон. Долго они петляли по лесным топким тропам по колено в грязи, пока подошли к ходу сообщения. Здесь их встретил офицер, мало чем отличавшийся от бойцов, в таком же, как и они, полушубке, ушанке.

— Не жарко, майор, в полушубке-то? — приняв рапорт, спросил Черняховский.

— Жарковато, товарищ генерал, — ответил майор. — Но по этой грязи все же лучше, чем в шинели.

И, скользя по жердяному настилу, тонувшему в грязной жиже, он повел по ходу сообщения. Вдруг позади громыхнул разрыв мины, за ним второй, третий. Осколки со свистом пронесли над головой.

— В укрытие! — сдавленно командовал майор.

— У вас дом отдыха работает? — неожиданно обратился Черняховский к комдиву, смотря на серое, как земля, лицо комбата.

— Так точно, работает, — не без удовольствия доложил генерал.

— Очень хорошо, — Иван Данилович посмотрел на комдива, кося глазами в сторону комбата.

Комдив понял командующего и безмолвно качнул головой, как бы говоря: «Будет отправлен в дом отдыха».

Обстрел затих.

Командующий прошел на НП батальона и, вооружившись биноклем, стал просматривать передний

край. Там по-весеннему широко разлилась и вплотную подобралась к окопам и заграждениям противника река Суходровка.

Командующего сейчас интересовало все, что было доступно взору. Комбат был на высоте: он обстоятельно рассказывал об обороне противника, как будто только что сам там побывал.

— А кто против вас?

— Позавчера ночью вон там, за обрубленными елями, захватили рядового 197-го батальона. А до этого оборонялся 347-й пехотный полк...

Командующему нравился этот боевой комбат, и он, передавая бинокль генералу Макарову, шепнул ему:

— Присмотритесь к нему, подходящий кандидат на полк.

Покинув НП, группа разделилась: генерал Черняховский с командирами пошел налево, генерал Макаров с замполитами — направо. А вперед неизвестными путями уже понесся «солдатский вестник»: «У нас на передовой начальство».

Черняховский остановился у землянки, возле которой солдат, сидя на лавочке, старательно чистил ствол снайперской винтовки. Увидев группу офицеров, он выпрямился, одним махом одернул гимнастерку и пятерней прошелся по рыжей голове.

— Здравствуйте, снайпер! Как жизнь? — поздоровался Черняховский.

— Здравствуйте! — выпалил солдат и замаялся. Иван Данилович был в кожаном пальто, да еще без погон. — Не знаю, как вас величать по званию.

— Генерал, — с улыбкой ответил командующий.

— Жизнь-то, товарищ генерал, ничего... — начал было солдат, но тут же замолчал, бросив растерянный взгляд на своих начальников.

Черняховский понял, что солдат что-то не договорил, и не без умысла спросил:

— Как с табачком?

Солдат обвел взглядом всех и начал витиевато:

— Видите, как развезло — в окопе тонем. А уж там, — кивнул он в сторону КП, — ни проехать ни пройти. Все — боеприпасы и харч на своем хребте на передовую тащим...

— А с табачком все же как? — прервал повествование Иван Данилович.

— С табачком-то?.. До табачка очередь не дошла... — Почувствовав, что подвел начальство, поправился: — К вечеру обещали.

— Табак, товарищ командующий, будет, — поспешил заверить командир полка.

— Много гитлеровцев на счету?

— Немного, всего четыре, — виновато пожал плечами солдат. — Я здесь недавно, с... запаматовал, товарищ генерал. — Он торопливо вынул из кармана обложечку со справками о ранениях. — С 14 марта.

— Давно воюете? — Черняховский взял у солдата эту уже основательно потрепанную обложечку. Его удивило: снайпер — и ни одной медали.

— Как вам сказать, товарищ генерал. Мы ведь пехота, в бою живем недолго, больше по госпиталям. Как видите, — солдат с душевным волнением смотрел, как генерал в кожанке листает эти дорогие ему бумажки, — лежал пять раз.

— Вижу, дорогой Иван Васильевич, вижу, — генерал Черняховский возвратил солдату справки. Как ему хотелось сейчас обнять этого солдата, расцеловать! Но он только крепко пожал ему руку и проникновенно сказал: — Спасибо, солдат!

По дороге в штаб Черняховский повел разговор:

— Вот что значит пехота, товарищ майор. При-

шел солдат на передовую, не успел еще как следует осмотреться, познакомиться с товарищами, как тревога, а там — атака. Ура! Вот первая, вторая, а может быть, и третья траншея взяты. Победа! А тут раз — пуля, и в госпиталь! Кажется, солдат ничем не отличился и награждать будто бы не за что. А в действительности он проявил в боях за Отчизну и силу воли, и доблесть. Да не только проявил, но и кровь пролил! И такой солдат... — генерал Черняховский смотрел на комбата. И комбат на этот взгляд командующего ответил:

— Снайпер Грачев — прекрасный солдат, достоин награды, товарищ генерал. Я решил представить его к ордену Красной Звезды.

— Очень хорошо, — сказал командующий и перевел свой взгляд на командира полка, как бы спрашивая: «А как вы?»

— Я за то, чтобы представить снайпера Грачева к награждению орденом Отечественной войны.

— Командование дивизии ходатайствует, — добавил комдив.

— Прекрасно, — промолвил Черняховский и направился в первую траншею.

Командующий и член Военного совета, каждый на своем участке, обошли вторую и первую траншеи. Не преминули заглянуть и в землянки. Не заметили, как наступил обед. Черняховский с удовольствием ел основательно поперченный борщ и гречневую рассыпчатую кашу с поджаренным на сале луком.

— Хорошо! Здорово! Всегда вас так кормят? — спросил он солдат.

Лица начальников насторожились, но затем расплылись в довольной улыбке, когда дружно со всех сторон прогремело:

— Всегда, товарищ командующий!

Уже вечерело, когда все вернулись на КП дивизии.

— Товарищ командующий, может быть, отдохнете? — комдив показал на скамейки, намертво установленные по обе стороны длинного дощатого стола, стоявшего под густой зеленью старой, израненной войной березы. — Здесь, когда тихо, хорошо. Видите, какая дивная природа. Слышите, даже птички поют. Садитесь. А я сейчас распорядюсь чайку...

— Что ж, Василий Емельянович, у нас еще есть минут сорок, так что воспользуемся любезностью хозяина, присядем, — и Черняховский, скинув кожанку и опираясь на шаткий стол, устало опустился на скамейку. — А вы, товарищ генерал, — обратился он к комдиву, — вместо чая давайте-ка сюда свою рабочую карту, посмотрим, что у вас на фронте, пройдемся по ней, да и кое о чем поразмыслим.

— Может быть, лучше карту начальника штаба? Мою я веду сам, и она так испещрена и замызгана, что вам будет трудно в ней разобраться.

— Ничего, разберусь. Несите свою.

Не прошло и пяти минут, как комдив принес из своей землянки карту и развернул ее на столе.

— Прошу вас, садитесь, — командующий показал и комдиву, и начштаба на скамейку рядом с собой. — Я полагаю, что ваша дивизия в будущих событиях армии, а это не за горами, будет играть первую скрипку. Вот я и хочу вместе с вами пройтись по всей глубине предполагаемой вашей полосы.

Командующий так же скрупулезно, как и в свою бытность командиром дивизии, рассматривал на карте полосу дивизии в стане врага, не оставляя без внимания ни одного знака, нанесенного комдивом. Зада-

вал вопросы: «А что здесь?», «Сколько?», «А если это опорный пункт?», «Не огневой ли мешок?» Были вскрыты все неясности. И когда комдив и начштаба молчали, то отвечал себе он сам. Водя сухой веточкой по населенным пунктам Церковщина и Березуча, он измерил расстояние от них до переднего края противника.

— Как вы думаете, что здесь может быть? — спросил Черняховский.

— Здесь, я предполагаю, — отвечал комдив, — передний край второй полосы обороны.

— А здесь?

— Это опорные пункты.

— Я тоже так думаю. Но вы не должны упускать из виду и Мокшаны. Это, наверное, тоже опорный пункт. Каковы на этот счет ваши решения?

— А мы, товарищ командующий, до них еще не добрались. Оборона нас замучила, — шумно выдохнул комдив. — Каждый день копаем и копаем. А зачем? Не собираемся же здесь все лето сидеть! Да и гвардейцы, как вы сами видели, на взводе. Ждут не дождутся, когда последует команда: «Прекратить рыть! Готовиться к наступлению!»

— Правильно ваши гвардейцы думают, — усмехнулся командующий. — Но на все, генерал, свое время.. А сейчас пока солдату надо копать, а командирам — готовиться к наступлению... — Командующий хотел еще что-то сказать, но появление на тропе генерала Макарова и замполита дивизии напомнило ему, что пора ехать в штаб армии.

— На этом, товарищ генерал, все. На прощание скажу вам, — он обвел взглядом комдива, начштаба, подошедшего замполита, — ваши гвардейцы мне и члену Военного совета понравились. Боевые, закаленные в боях и сильные духом воины. С ними диви-

зия способна на великие свершения. Даже скажу больше, и не для лести, а от чистого сердца: нам хотелось бы видеть другие дивизии такими же, как ваша,— и он перевел взгляд на Макарова: — Как, Василий Емельянович? Правильно я говорю?

— Совершенно правильно,— подтвердил генерал Макаров.— Все это я говорил политотделу. Они и в деле боевой готовности и воспитания у воинов боевого духа молодцы! Правда, я им тут одно дело приостановил... Но об этом потом...

— Хорошо,— кивнул головой Черняховский,— а сейчас поблагодарим хозяев и поехали в штаб армии.

— Никуда мы не едем,— остановил его Макаров.— Дежурный по связи нам доложил, что генерал Берзарин выехал от Прокофьева и едет сюда.

— Сюда? — удивился Черняховский, затем обратился к генералу Макарову: — Да, о чем же вы хотели сказать мне?

При этих словах комдив и начштаба отошли подальше, а замполит будто присох на месте, ожидая, что скажет командующий. Он знал, о чем будет говорить член Военного совета.

— А вот о чем. Они,— генерал Макаров скосил глаза на замполита,— уже пишут листовки и памятки бойцу, сержанту, поучая их, как штурмовать дзоты, истреблять танки, как форсировать Лучесу. Я им это дело поломал. И строго-настрого приказал без указания Поарма этого не делать.

Командующий, видя, как болезненно реагирует на беседу замполит, подозвал его и доброжелательно сказал:

— Пока что, товарищ полковник, этого делать нельзя. Все то, что уже написали,— собрать. Черновики и копии сжечь. А написанное положите к себе в сейф. В свое время они понадобятся. Ясно?

— Так точно, ясно, товарищ командующий.

— Очень хорошо. Одно прошу вас: делайте сейчас все так, чтобы противник понял, что мы здесь укрепляем оборону, а следовательно, наступать не думаем... Теперь, товарищ полковник, присаживайтесь и расскажите, как идет в дивизии рост партийных рядов? — комфронта указал на скамейку. Где бы Иван Данилович ни бывал, он обязательно интересовался этим вопросом и настоятельно рекомендовал, чтобы в каждой роте было крепкое партийное ядро. Вот и здесь, выслушав замполита, он сказал:

— Мы накануне больших событий, в которых ваша дивизия будет играть далеко не последнюю роль. Поэтому постарайтесь к середине июня так распределить партийные силы, чтобы каждая рота имела полнокровную партийную группу... А в общем, вы действительно молодцы! И генерал Макаров считает, что и по его линии у вас все хорошо. Спасибо вам, — командующий крепко пожал замполиту руку. За землянкой комдива на скамейке полковника ждали комдив и начштаба, сгорая от нетерпения узнать, о чем говорил с ним командующий. Но тут произошла осечка: со стороны КПП по тропе торопливо шагал командарм. Все поднялись его встречать. Их опередил генерал Черняховский. Это показалось странным: комфронта встречает командарма?

А Черняховский между тем шел навстречу Берзарину, чтобы крепко пожать ему руку и душевно поприветствовать этого замечательного человека. Берзарин, поправив на ходу ремень, фуражку, подошел к командующему фронтом по всем правилам устава, взял под козырек. Тут Иван Данилович дружески протянул ему обе руки:

— Николай Эрастович, дорогой! Здравствуйте!

Вы не представляете, как я рад вас видеть... Мы ведь собрались было ехать к вам, как вдруг вы здесь.

— А я отсюда был недалеко. На «газике» минут двадцать. Думаю, дай заеду за вами и коротким путем повезу вас к себе,— проговорил Николай Эрастович. Затем он любезно поздоровался со всеми и, не останавливаясь, повел Ивана Даниловича знакомой тропой мимо землянок и стола под старой березой, где генерал Макаров сознательно задержал дивизионное начальство, чтобы дать возможность Черняховскому и Берзарину побеседовать наедине.

— Глубоко тронут вашим вниманием, Николай Эрастович. Но стоит ли теперь отсюда ехать к вам? Откровенно говоря, моя цель — повидать вас. Ведь два года с лишним, как мы расстались. Конечно, встретившись, поговорили бы о деле. Но о деле час и даже два мало. И такой наш разговор состоится дней через пять. Так что давайте сейчас дела пока в сторону, а расскажите, как вы живете, как здоровье? Как Наталья Никитична? Дочери?

— Вы затронули, Иван Данилович, то сокровенное, что всегда при нас,— печально вздохнул Николай Эрастович.— Присядем? — показал он на одинокую скамейку под сосной, у самого ручья.— Когда я приезжаю сюда, то всегда хоть чуточку отдыхаю в этом уголке. Чувствуете, какой аромат? — потянул он носом.— Цветет сосна.

Здесь, где говорливое журчанье ручья и звонкие посвисты и щебетание птиц заглушали доносившуюся канонаду, они поведали друг другу о пережитом за последние два года — с того дня, как расстались под Демянском. Черняховский рассказал Берзарину о всех своих задумках по окружению и разгрому витебской группировки генерала Гольвитцера. Оказалось, что Николай Эрастович почти так же,

как и он, подходил к решению этой операции, что очень обрадовало Ивана Даниловича.

— Какое ваше впечатление о дивизии? — поинтересовался генерал Берзарин.

— Хорошее,— и Черняховский повторил все то, что говорил комдиву.— Да вот еще что...— и замер: почти над ухом раздалась «пулеметная дробь» дятла, долбившего обезглавленную сосну.— Надо ж так барабанить,— улыбнулся Иван Данилович и невольно взглянул на часы: — Батюшки! Скоро шесть. Нам, Николай Эрастович, пора ехать. Надо еще в ваш резерв — к генералу Вольхину — и засветло вернуться домой.

— Вольхин отсюда недалеко,— Берзарин махнул рукой в сторону вечерней тени сосны.— В лесу, за деревней Маклаки. Если вы не против, то я проеду с вами и проведу вас самым коротким путем...

— Конечно, нет, Николай Эрастович.— И они направились к старой березе, чтобы там попрощаться с хозяевами и уехать.

Но не тут-то было. Комдив, а вместе с ним и замполит запротестовали:

— Как же так, товарищ командующий? Первый раз у нас и вдруг сразу уезжаете. Подумают, что рассердился командующий. Поужинайте с нами. Это ж не надолго, прошу,— комдив показал на накрытый стол.

— Чтобы не создавать у гвардейцев ложного мнения, то надо, Иван Данилович, согласиться,— поддержал комдива генерал Макаров.

За ужином незаметно пролетело время, и Черняховский, Макаров и Берзарин выбрались из дивизии около семи вечера.

У генерала Вольхина пробыли не так, как хотели,— «часик-два», а значительно больше и выехали

от него, когда небо уже сплошь сияло звездами. Берзарин, выводя машины на шоссе, ехал на своем «газике». На шоссе остановились. Попрощавшись, разъехались в разные стороны.

Теперь первой по Смоленско-Витебскому шоссе неслась машина командующего, за ней — генерала Макарова и последней — «виллис» с охраной. «Пожалуй, можно и вздремнуть», — подумал Черняховский, но из головы не выходили эти мосты. В них он видел коварный замысел врага. Лишь резкое тарахтение сзади самолета, похожее на звук По-2, отвлекло его от этой мысли. Прислушался и решил, что возвращается наш самолет с ночного задания. И вдруг впереди со страшным треском вспышки взрывов разорвали темноту и разбросали машины, засыпав их землей и осколками. Машину командующего отбросило вправо, в кювет, и повалило набок, машину члена Военного совета — влево, радиатор уткнулся в ствол громадного дерева, а «виллис» с охраной, крутнувшись и сделав несколько витков, стал нормально. Василий Емельянович, а вместе с ним шоферы и бойцы охраны бросились к машине командующего, поставили ее на колеса. Макаров с силой рванул дверцу и помог командующему выйти.

— Ну как, цел?

— Цел, но вот глаз... что-то режет. Будто соринка попала.

— Беспальный, свет! — скомандовал член Военного совета.

Действительно, в правом глазу, ближе к виску, что-то чернело. Ничего не говоря, Макаров взял командующего под руку и посадил его в свою машину.

— Поехали! — скомандовал он шоферу.

— Куда? — спросил генерал Черняховский.

— В медсанбат. Здесь недалеко, в деревне за лесом.

— Василий Емельянович, нужно домой, там нас ждут.

— Нет, — твердо ответил Макаров и сказал шоферу: — На перекрестке поворот направо.

В медсанбате все спали. Командир медсанбата, услышав, что приехал командующий фронтом, растерялся:

— Как же так?.. — бубнил он. — Я не глазник... Я только хирург. Надо в Гусино, в госпиталь, там есть специалист...

— Доктор, возьмите себя в руки! — прикрикнул на него Макаров.

— Конечно, конечно, — сдался командир медсанбата и приказал дежурному врачу: — Запустите движок — и ко мне, в операционную.

Дальше все шло с необыкновенной быстротой. Через минуту гулко захлопал движок, появился свет, в операционной уже стояли в чистых халатах дежурный врач и медицинская сестра.

— Товарищ командующий... — начал было рапортовать командир медсанбата, уже облачившийся в халат.

— Я сейчас больной, — прервал его командующий.

Черняховского посадили в кресло, под большой колпак лампы. Врач с ловкостью опытного хирурга-глазника извлек из глаза черный квадратик и положил его в стеклянную крышечку.

— Вы, товарищ генерал, под счастливой звездой родились. Если бы он шел ребром, то было бы плохо. — Доктор завернул кусочек металла в бумажку, протянул командующему «на память» и предложил переночевать.

Черняховский, поблагодарив, отказался:

— Спасибо. Некогда. Надо спешить.

— А вы боялись,— сказал Макаров, пожимая руку командиру медсанбата.

— Забоишься, товарищ генерал. Ведь это же командующий...

5

В штабе и управлении фронта с нетерпением ожидали возвращения из Москвы командующего, куда он дней пять тому назад уехал вместе с Макаровым.

Возвратясь, Черняховский двое суток никого не принимал. К начальнику штаба Покровскому тоже трудно было пробиться. Он либо находился у командующего, либо вместе с только что прибывшим новым начальником оперативного управления генералом П. И. Иголкиным и начальником оперативного отдела Г. И. Арико разрабатывал календарный план и боевые документы операции. Но и самому Черняховскому приходилось не раз вместе с ними сидеть допоздна за расчетами.

С генералом Иголкиным я познакомился на второй день при таких обстоятельствах. Мой порученец майор Токарь, проходя мимо дома начальника штаба, принял наголо бритого Иголкина за генерала Покровского и с ближайшего телефона доложил мне, что начальник штаба у себя. И я помчался туда... А дальше — взаимное приветствие, общие слова первого знакомства...

— Вряд ли вы сегодня и завтра сумеете пробраться к Александру Петровичу,— сказал Иголкин.— И в этом я бессилен вам помочь... Но все же кое-что могу вам сказать: в течение четырех-пяти дней,—

перебирал он листы настольного календаря, — продумайте и подсчитайте, что нужно сделать по вашей линии для обеспечения фронтовой наступательной операции глубиной так километров 250—300, продолжительностью 40—50 суток. Но подчиненным об этом ни слова!

— Ясно! — ответил я и отправился к себе радостно взволнованный.

Сбросив кожанку на топчан, раскинул карту-десятикилометровку и отмерил на ней линейкой 25 и 30 сантиметров. Получалось, что, решая эту операцию, войска фронта освобождали Минск и выходили на рубеж Вилейка — Молодечно — Дзержинск.

С этого времени штаб фронта и все начальники родов войск и служб вплотную приступили к подсчету сил и средств, разработке мероприятий по обеспечению совместного наступления с 1-м Прибалтийским, 1-м и 2-м Белорусскими фронтами по разгрому немецко-фашистской группы армий «Центр» и освобождению Белоруссии.

Работали напряженно, днем и ночью, спали мало, соблюдали строжайшую тайну: писали от руки и написанное хранили в своих походных сейфах, никаких телефонных разговоров, только личное общение. Свои планы и расчеты докладывали непосредственно командующему фронтом в присутствии генералов Покровского и Макарова. И всегда доклады сопровождались детальным разбором. Командующий ставил докладчика в самые сложные ситуации. И с его уст не раз срывалось: «А если немцы прорвут здесь?», «А если там мы не пройдем?», «А что, если подвижные средства вводить тут?»...

Иной вопрос казался невероятным, но достаточно было взглянуть на командующего, увидеть его глубокую сосредоточенность, собранность, как ты сам

невольно соглашался с ним. Этот человек своим умом и логикой рассуждения умел подчинить, покорить бывалых и прославленных генералов. А его умные карие глаза всегда смотрели прямо, открыто.

Каждый раз, когда мы бывали у него, нам казалось, что светящиеся решимостью глаза командующего стремились глубоко проникнуть в наши души, точно хотели узнать, способны ли мы понять его замысел, есть ли у нас смелость и мужество, обладаем ли мы нужными для такого масштаба операции качествами. Умеем ли мы воевать малой кровью и предвидеть все то, что враг может предпринять для срыва наступления, и на опасных рубежах предусмотреть против него решительные контрмеры? Водя циркулем по карте, он то и дело задавал вопросы то начальнику штаба А. П. Покровскому, то командующему артиллерией М. М. Барсукову, то командующему бронетанковыми войсками Л. Г. Родину.

— А если враг вдоль шоссе не пойдет, а пойдет здесь? — и циркуль послушно шагал с Минского шоссе к Лиозно и отсюда рванулся на Богушевск. — А вдруг здесь ударят? А надо полагать, ударят, и обязательно! — И циркуль резко чертил невидимые линии ударов гитлеровцев вначале с севера, со стороны Терешки, а затем с юга — из Высочан... — Еще хуже, если вдруг рубанут, — черкнул он циркулем через Лучесу по коварным мостам, — здесь, под корешок резанут тридцать девятую армию, и, конечно, будут жать ее на север к Двине... А какими силами?

И снова раздумье, решение за противника. Потом такой же пристальный взгляд на Минскую автомагистраль и опять раздумья, подсчеты, выводы...

— На сегодня довольно, — выпрямился Черняховский. Собрал все черновые наброски и записки и протянул их начальнику оперативного управления. —

Поручим все это спланировать генералу Иголкину,— обратился он к начальнику штаба генералу Попровскому.— Он оператор, ему и карты в руки! — И командующий вручил Иголкину карту со своим решением.— Ну все, товарищи! Завтра в одиннадцать часов!

Макаров, проводив генералов, решил уложить Ивана Даниловича спать.

— Что вы, Василий Емельянович, сейчас как раз время подумать: никто над душой не стоит, телефоны не звонят и никаких тебе бумаг,— он снял китель, повесил его на спинку стула и крепко сжал лоб.— Комаров! — крикнул в приемную.— Распорядись-ка чайку, да покрепче! — И, не отходя от двери, по-дружески сказал: — Тяжеловато мне, Василий Емельянович, и даже очень... Труда я не боюсь. Дебют для меня тяжелый и по сложности, и по масштабу операции.— Черняховский опустил пониже лампу над столом и склонился над картой, испещренной красными и синими стрелами.— Раньше, когда я командовал армией, мне, дорогой генерал, было гораздо легче. Как бы сложно фронт ни решал операцию, мне оставалось совершить прорыв и наступать в одном направлении. Ну и частично помогать соседу. А сейчас не один удар, а — получается — четыре. Четыре направления! Помните, как решила Ставка по нашему фронту? — Иван Данилович подтянул поближе карту своего решения.— Двумя армиями правого крыла фронта из района Лиозно наносится удар на Богушевск, Сенно, и частью сил этого крыла ведется наступление в северо-западном направлении на Гнездиловичи. Там, во взаимодействии с 1-м Прибалтийским фронтом, окружается витебская группировка и освобождается Витебск. Но это, Василий Емельянович, только просто пишется, а делается... Здесь легко с ви-

Командующий 34-й армией Н. Э. Берзарин
и командир 241-й дивизии И. Д. Черняховский
на Северо-Западном фронте. 1941 год

Начальник оперативного управления 3-го Белорусского
фронта П. И. Иголкин,
командующий фронтом И. Д. Черняховский,
командующий 5-й армией Н. И. Крылов в районе боевых
действий

**А. М. Василевский, И. Д. Черняховский ведут опрос
пленных гитлеровцев**

**И. Д. Черняховский прикрепляет орден к знамени
отличившейся части. Слева — генералы В. Е. Макаров
и А. Г. Родин**

Партийный билет И. Д. Черняховского

Памятник И. Д. Черняховскому в Вильнюсе

тебской группировкой не разделаешься,— и Черняховский красным карандашом еще сильнее подкрасил стрелку на Гнездиловочи, две — на Витебск, из которых одна упиралась в него через Рудаки, с запада, а другая — с востока, со Смоленского шоссе.— Так что, видите, получается совершенно два самостоятельных удара и два самостоятельных направления — на Витебск и Богушевск. Поэтому я решил на окружение и уничтожение витебской группировки и освобождение Витебска назначить не часть сил, как предлагает Ставка, а целиком тридцать девятую армию. А пятая армия Крылова, усиленная конно-механизированной группой, будет прорывать фронт в направлении Богушевск — Сенно.

— А помните, как сформулирован Ставкой второй удар? — продолжал генерал Черняховский.— Удар двумя армиями вдоль Минской автомагистрали на Борисов. А в действительности? Тоже получается два: один удар идущей вдоль автомагистрали одиннадцатой гвардейской армией генерала Галицкого с танковым корпусом Бурдейного и с частью сил тридцать первой армии генерала Глаголева, а второй — так диктует обстановка и местность: ведь Днепр отделяет большую часть армии Василия Васильевича Глаголева от автомагистрали — вдоль южного берега Днепра на Оршу. И надо сказать, это даже хорошо. На этом направлении мы, не форсируя Днепра, прямо с ходу врываемся в Оршу. И та часть сил армии Глаголева, которая будет наступать с армией Галицкого по правобережью Днепра на траверсе Орши, ударит на город с севера. И здесь гитлеровцам капут! — Черняховский опустил на стул и, отпив глоток чаю, посмотрел на Макарова.

— Прекрасно! — ответил тот и тоже принялся за чай.

— Теперь, Василий Емельянович, мне не дает покоя вопрос, где вводить пятую гвардейскую танковую армию маршала Ротмистрова и второй гвардейский танковый корпус генерала Бурдейного. Ставка наметила вдоль Минской автомагистрали... А получится ли? Сможем ли мы здесь надежно прорвать фронт и создать им условия для выхода на оперативный простор?.. Вы не подумайте, что я излишне переживаюсь. Если бы я был на месте генерала Хейнрици, командующего четвертой немецкой армией, то нагородил бы здесь черт знает что,— и карандаш Черняховского забегал по Минскому шоссе, чертя невидимые линии, круги и квадраты,— и противотанковые районы, и дзоты кинжального действия, и капоныры, и минировал бы все мосты и дефиле. Думаю, что командующий гитлеровской армией не глупее нас и, наверное, это все уже сделано, да еще для встречи нас кое-что и про запас припрятано.— Черняховский присел к столу, записал в блокноте: «Поговорить с нач. РО!»

Макаров, смотря на Черняховского, позавидовал его необыкновенной работоспособности.

— Вы знаете, Василий Емельянович,— продолжал Черняховский,— эту операцию я решил бы по-другому. Сосредоточил бы основное усилие не вдоль Минской автомагистрали, а здесь, в полосе армии Крылова.

— Но здесь же сплошные леса и болота,— удивился Макаров.

— Зато здесь нас враг не ждет,— объяснил Черняховский.

— У гитлеровцев Богушевск — слабое место: стык третьей танковой и четвертой армий... Эх, если бы можно было пропустить на Богушевск танковую армию маршала Ротмистрова и вывести ее на Мин-

скую автомагистраль у Толочина или Крупок, то мы дней через десять форсировали бы Березину, а затем дня через два-три освободили бы и Минск. Но пока что это только мечта...

Он отошел к письменному столу, сделал пометку в блокноте: «Переговорить с генералом Барановым об инженерном обеспечении направления на Богушевск». И замер, глядя на карту. — Если даже Ставка нам утвердит главный удар на Богушевск,— продолжал Черняховский,—здесь, вдоль Минского шоссе, фронт рвать все равно придется. А как? Напролом? Напролом — море людской крови и половину танков ухлопаем... Так что, дорогой Василий Емельянович, думать надо, чтобы бить врага, как учил Александр Васильевич Суворов, не числом, а умением.

— Так давайте думать завтра! А сейчас спать!

— Зачем завтра, когда сейчас тут давит,— Иван Данилович постучал пальцем по лбу.— Как бы здесь сотворить такое, чтобы генерал Траут вздрогнул и сам покатился бы отсюда? Но сделать все это с малыми для нас потерями. А? — и посмотрел на Макарова.

Но Василий Емельянович молчал: его поражало, с какой увлеченностью и верой в успех Черняховский ухватился за эту идею и всем своим существом уже был в ее власти. Наконец, не выдержав вопрошительного взгляда командующего, невольно спросил:

— А как?

— А вот так,— и Иван Данилович положил циркуль на перекресток двух шоссе: Москва — Минск и Витебск — Орша.— Здесь надо внезапно перекрыть главную коммуникацию и главную рокаду генерала Траута.

Эта мысль была настолько интересной и оригинальной, что Василий Емельянович сам загорелся и бодрым голосом, без тени усталости спросил:

— Чем? Воздушным десантом? Но воздушников у нас нет.

— Да, нет. А мы сделаем вот что,— и в глазах Черняховского блеснула хитринка.— Смотрите. Забираем гвардейский танковый корпус Бурдейного от Глаголева и переводим его в полосу Галицкого, примерно сюда,— округлил он циркулем район севернее Московско-Минского шоссе.— Потом к моменту наступления выведем корпус на исходное положение,— циркуль загулял по карте недалеко от синей линии, обозначавшей фронт, между населенными пунктами Судиловичи и Новое Село.— И вот отсюда двинем его в прорыв. Туда, где Траут танков не ждет, по этому пути,— Иван Данилович повел циркуль севернее шоссе, через Редьки, Шалашино, Высокое.— Здесь корпус повернет на юго-запад, в обход Орши, на Задровье, и там перехватит основную железнодорожную магистраль,— как гитлеровцы называют «дорогу жизни». И уж тут-то генерал Траут поневоле вздрогнет и покатится... Но это, Василий Емельянович,— Черняховский проникновенно смотрел на Макарова, как будто теперь все зависело от него,— могут выполнить люди только сильные духом, стальной воли и непоколебимой веры в успех... Так что давайте не откладывать на более свободное время, которого у нас не будет, поедемте завтра в корпус.

— Это уже сегодня,— улыбнулся Макаров.

— Хорошо. Сегодня сразу после завтрака прихватим с собой генерала Родина, а там посмотрим, обладают ли этим духом гвардейцы?

Было уже светло, когда генерал Макаров возвращался к себе в домик, тонувший в густой тени берез.

Утром, как условились, сразу после завтрака выехали во 2-й гвардейский танковый корпус генерала А. С. Бурдейного.

Так как командующий в этом корпусе еще не бывал, то впереди него ехал генерал Родин. Минут за двадцать они по шоссе домчались до Красного. Там машина генерала Родина свернула на юг и лесной дорогой привела в расположение корпуса. Выйдя из машины, Черняховский полной грудью вдохнул нежно-смолистый запах леса.

— Какая красота! — восторженно произнес он. — Не то, что у нас, в Нетяжах. Может быть, перенесем, Василий Емельянович, сюда КП?

Тот только хотел сказать «хорошо бы», как где-то впереди сухим раскатом загрохотали разрывы тяжелых снарядов. «М-да», — многозначительно протянул он.

— Не достает? — кивнув в сторону разрывов, Черняховский обратился к встретившему их командиру корпуса генералу Бурдейному.

— Пока спокойно, товарищ командующий.

— Что делают танкисты?

— Сегодня парковый день, приводим боевую технику в готовность.

— Очень хорошо, — ухватился за это Черняховский. — Так что начнем знакомство с корпусом на трудовом поприще танкистов. А уже потом побеседуем с вами в штабе. Так что ведите нас прямо в парк.

Начали знакомство с 26-й гвардейской танковой бригады. Докладывал командир бригады — с четырьмя боевыми орденами полковник С. К. Нестеров.

Генерал Черняховский попал в свою танковую стихию. И не было того экипажа, возле которого он не остановился бы, не поговорил бы.

Так незаметно они подошли к следующему батальону. Здесь генералу Макарову бросилась в глаза надпись на башне третьего танка: «Боевая подруга».

— Иван Данилович! — Макаров окликнул Черняховского. — Вот танк замечательной женщины Марии Васильевны Октябрьской. Жена погибшего в начале войны начальника политотдела дивизии полкового комиссара Октябрьского. Эта женщина внесла все свои сбережения на строительство танка и на нем воевала.

— Воевала? Как? Кем? — Черняховский смотрел на полковника Нестерова большими глазами.

— Механиком-водителем, товарищ командующий.

— Механиком-водителем? — удивленно повторил Иван Данилович. — Женщина — и механик-водитель? — напряженно, с силой он выдвинул вперед руки, словно нажимая на рычаги танка. — Необыкновенно! Расскажите, пожалуйста, и подробнее. — Черняховский опустил на доску, лежащую на двух пеньках, и, хлопнув по ней рукой, предложил присесть генералу Макарову.

— Как-то осенью, — начал полковник Нестеров, — к нам прибыло из Омска маршевое пополнение — вот эти машины вместе с экипажами. Утром, когда я принял их, мне бросилась в глаза вот эта странная надпись на башне — «Боевая подруга». Я сразу к танку. Рапортует командир экипажа, молодой паренек младший лейтенант Петр Чеботько и представляет механика-водителя Марию Октябрьскую, командира орудия сержанта Геннадия Ясько. — Полковник Нестеров протянул руку в сторону Геннадия, сказал: — Вот он теперь водит «Боевую подругу».

Лейтенант Чеботько называет мне имена этих молодых ребят, а я его не слушаю, смотрю на тщедушного, в больших кирзовых сапогах, с женским лицом механика-водителя и думаю: «Что я с тобой, голубушка, делать-то буду? Ведь это же не какая-то женская снайперская команда, а танк! Здесь сила и воля нужны». А она словно поняла мои сомнения и по-солдатски отчеканила:

— Справимся, товарищ полковник!

— Но ведь это же танк! Тут же большая силаща нужна! — как-то невольно вырвалось у меня.

— Справлюсь, товарищ полковник,—повторила она.

Дело, смотрю, серьезное. Направил я этот танк в роту управления, а там поручил опытному механику-водителю своего танка старшему сержанту Николаю Чайке.— Полковник Нестеров показал глазами на улыбающегося, с выющимся чубчиком танкиста.— После боев за Дубровно она в слезы и запротестовала:

— Не для этого я танк приобрела, чтобы на фронте командира возить. Врага бить я приехала, врага бить!

Как-то после боя мы с замполитом пригласили Марию Васильевну к себе побеседовать. Вот так, как и вы,— полковник Нестеров посмотрел на Черняховского,— села на чурбачок, зажала пилотку в руках и не без волнения начала: «Когда я получила скорбную весть о муже, тогда и загорелась желанием пойти на фронт, чтобы самой бороться с врагом и мстить ему за смерть мужа, за семью, за страшное горе, мучения и жертвы нашего народа... Я решила все, что есть у меня — свое и мужа,— продать, а вырученные деньги и сбережения отдать на постройку танка». Но ей этих денег не хватило. Тогда она пошла работать на фабрику. Работала, а в свободное время вышивала и вы-

шивки продавала. Когда собрала нужную сумму, внесла в банк, написала письмо товарищу Сталину. Вскоре от него пришла телеграмма, в которой он распорядился дать ей танк, назначить водителем и направить на фронт.— Лицо комбрига помрачнело.— Мужественная и храбрая она была женщина. Участвовала в боях до последнего дня своей жизни. Прошлой зимой, в трескучий январь, под Крынками, что недалеко от Лиозно, в ночном бою была тяжело ранена. Врачи два месяца боролись за ее жизнь, но тщетно...

Закончив рассказ, полковник Нестеров тяжело вздохнул и замолчал. Молчали все. В бору нависла несвойственная фронту тишина...

Время летело быстро, а надо было еще побывать в других бригадах, да и часик оставить на беседу с комкором. Поэтому в других бригадах они долго задерживаться не стали.

Беседуя с генералом Бурдейным, командующий рассказал ему, зачем он приехал, и предложил тренировать танкистов в лесисто-болотистой местности, готовиться к ночному переходу на новое место дислокации. В заключение добавил:

— Приказ о передислоцировании вам даст генерал Родин. А теперь о наших впечатлениях. Нам все понравилось, особенно ваши танкисты. У меня появилась уверенность, что ваш корпус может выполнить любую сложную задачу. И к такой задаче вы готовьтесь... Что-то я еще хотел сказать... Вспомнил: танк «Боевая подруга» берегите. Он должен громить врага и на его территории.

Когда генерал-полковник Барсуков, командующий артиллерией фронта, переступил порог рабочей комнаты Черняховского, чтобы доложить ему план артиллерийского наступления, Иван Данилович сразу приступил к делу:

— Здравствуйте, Михаил Михайлович, как раз кстати,— и тут же пригласил к карте оперативной обстановки фронта.— Меня всю ночь мучила мысль, как обмануть Гольвитцера и всех вышестоящих его начальников. Ведь на витебском плацдарме шесть вражеских дивизий: пять в первом эшелоне и еще одна в резерве. А это, Михаил Михайлович, не фунт изюму! Так вот послушайте, до чего я додумался. Накануне наступления, 22 июня, мы ведем бой передовых батальонов по всему фронту, а на витебском направлении — на участке тридцать девятой армии — тишина! Эта тишина, безусловно, удивит генерала Фридриха Гольвитцера, «надежно» сидящего в Витебске, и даже самого генерал-фельдмаршала Эрнеста Буша, командующего группой армий «Центр», и заставит их задуматься: «В чем дело?» Зато в день наступления мы начнем артиллерийскую подготовку под Витебском, на участке этой же армии, на час раньше, когда левее, на всем громадном пространстве, будет тишина!.. Это еще больше удивит Гольвитцера и его шефов, и они будут гадать: это — начало наступления или провокация? И, конечно, подождут, что будет дальше, рассуждая: «Если через час-полтора начнется артиллерийская подготовка по всему фронту, то, значит, здесь провокация. Следовательно, за Витебск бояться нечего». И вдруг им как сон в руку,— Черняховский хлопнул ладонью об ладонь,—

через час на всем нашем фронте, от Языкова до Днепра и южнее, мощно заговорит артиллерия и авиация. «Ага! — воскликнут Гольвитцер, Рейнгард и фон Буш. — Теперь нам ясно...» — и все свое внимание обратят на армии Крылова и Галицкого. И вот в этот-то самый момент мы, дорогой мой генерал, пятым гвардейским стрелковым корпусом генерала Безуглого и ударим по витебской группировке прославленного генерала Гольвитцера, под ее правое ребро!

— Заманчиво, — промолвил Барсуков. — Разрешите немного подумать? — и хотел было идти, но Черняховский остановил его.

— А вы садитесь вот здесь, — указал он на большой стол у окна, — и вместе подумаем. Ведь я когда-то тоже был артиллеристом.

Обговорив все с Барсуковым, комфронтом отпустил его.

Только заглохли шаги генерала Барсукова, как вошел генерал Макаров.

— Что вы такой грустный? Нездоровится? — не без тревоги спросил Черняховский. — Надо, Василий Емельянович, положить конец нашим ночным бдениям. Еще не наступаем, а уже измотались. Тяжелое-то, дорогой, впереди...

— Измотаешься... Сегодня до поздней ночи просидели с начальником военных сообщений генералом Добряковым.

— А что такое?

— А то, что не хватает пропускной способности железной дороги. Ведь сколько надо перевезти людей, боеприпасов, продовольствия — обмундирование я в расчет не беру, — боевой техники, горючего!

— А вы, Василий Емельянович, не отчаивайтесь. Не боги горшки обжигают, — промолвил Иван Дани-

лович и, взяв у генерала Макарова таблицу, сел за стол.

— М-да. Задача...— пропел он.— И ее так просто, за один присест, не решишь. Надо подумать и с карандашом в руках подсчитать, что везти по железной дороге, что — автотранспортом, а что просто положить на грунт...

— Обо всем этом я думал основательно и пришел к выводу, что надо не вообще везти пять боекомплектов, а определить, кому пять, а кому три, а то и полтора...

— Ну что ж, давайте.— И генерал Черняховский, вооружившись карандашом, занялся расчетами.

Так они сидели часа два, никого не принимая. Но вдруг раздался настойчивый стук в дверь.

Черняховский крикнул:

— Войдите!

Вошел рослый подполковник и, подойдя строевым шагом к столу, отрапортовал:

— Товарищ генерал-полковник! Представляется...

— О! Саша! — Иван Данилович сорвался с места, и братья крепко обнялись.— Василий Емельянович, знакомьтесь: мой брат.

Затем генерал Черняховский посадил Александра рядом с собой. Казалось, их разговору не будет конца. Василий Емельянович поднялся, намериваясь уйти.

— Куда вы?— удержал его Иван Данилович.— Оставайтесь. Ты, Саша, на меня не обижайся, отдыхай. Дел много: то звонки, то люди. А тут еще ехать в войска надо. Погости еще денек, а утром, как встанешь, так сразу и приходи.

Александр приехал в то время, когда Иван Данилович, как и все полевое управление фронта, был занят перегруппировкой войск: с севера, от Невеля

к Красному, спускалась 11-я гвардейская армия; в район Лиозно двигались два гвардейских корпуса — 3-й кавалерийский и 3-й механизированный; в район Минского шоссе, западнее Красного, выходил 2-й гвардейский Тацинский танковый корпус; в лесах восточнее Гусина, в треугольнике — развилке шоссе на Минск и на Витебск, сосредоточивалась 5-я гвардейская танковая армия; по железной дороге в направлении Красного двигался 5-й артиллерийский корпус прорыва. А сколько еще шло к фронту маршевых пополнений, боевой техники, транспортов с боеприпасами, горючим и продовольствием! Причем все это двигалось ночью, строго соблюдая маскировку, при полном молчании всех радиосредств. Не менее напряженная работа проходила и на самом фронте в эти ночи. И за всем этим надо было следить, контролировать и направлять. Поэтому Иван Данилович смог уделить брату всего несколько минут.

8

Во второй половине мая генерал Черняховский ознакомил каждого командира с предстоящим наступлением армий. Командующие армиями, строго выполняя наказ командующего фронтом о сохранении тайны, трудились над разработкой проведения операции «Багратион». И когда все становилось ясным — кто и что будет выполнять, — командармы по совету Черняховского под видом строительства второй полосы обороны выводили в тыл части дивизий, а то и целиком дивизию. Там они приводились в порядок, доукомплектовывались, а после одна половина их возводила оборону, причем это делалось по-настоящему,

всерьез, хотя многие командиры и воины горели желанием наступать, а не обороняться. Другая половина строила учебные поля, при этом местность подбиралась подобная той, на которой эти части будут прорывать оборону врага. На местности возводились позиции с препятствиями, минными заграждениями, дзотами, бронеколпаками и артиллерийскими позициями — именно такие, какие предстояло этим частям штурмовать.

Вот на таких-то полях и обучались взводы, роты, батальоны и танки штурму и прорыву мощной, глубоко эшелонированной вражеской обороны.

Одновременно в армиях, корпусах и дивизиях проводились командирские занятия на картах и ящиках с песком. А там, где на пути наступления были реки, добавлялся проигрыш «форсирование водной преграды».

Такой проигрыш с командирами корпусов, дивизий и с их начальниками штабов сегодня проводил командарм-5 генерал Н. И. Крылов. Вот туда-то, пораньше позавтракав, и мчались на машинах с группой офицеров штаба Черняховский и Макаров. Прибыли они на КП армии как раз к началу «артиллерийского наступления».

На площадке под тенью вековых сосен, вокруг громадного ящика с песком, где как на ладони простиралась лесисто-болотистая часть Витебщины, с ее реками, селениями и с городом Богушевском, входящими в полосу 5-й армии, разместились командарм, его штаб, командиры корпусов, их начальники штабов и командиры дивизий. Специальными знаками на песке были обозначены оборона и войска противника и 5-й армии.

Оперативное построение войск резко делило фронт армии на далеко не равные части: на левом фланге,

на 15-километровом фронте от Юлькова до Рублева, была растянута одна стрелковая дивизия, в то время как на одиннадцатикилометровой участке правого фланга в первом эшелоне находились четыре дивизии, усиленные танками и самоходками, большим количеством артиллерии и «катюш». А сзади них, во втором эшелоне, стояли еще две дивизии.

Это генералу Черняховскому понравилось. В таком построении он видел воплощение своего замысла: мощный удар на Богусhevск, ввод здесь в прорыв конно-механизированной группы, стремительный выход на Сенно, в результате — разобщение 3-й танковой и 4-й гитлеровских армий и полный разгром противника.

— Молодец Николай Иванович! — восхищенно шептал генерал Черняховский.

Чтобы командиры корпусов, их штаб, да и штаб армии основательно проработали все сложные вопросы проведения предстоящей операции, Черняховский в течение всего проигрыша создавал сложную обстановку: то вдруг части нарывались на скрытый район противотанковой артиллерии, то вдруг их контратаковали либо с фланга, либо с тыла. И в заключение на «четвертый день наступления», когда правофланговый 72-й стрелковый корпус генерала А. И. Казарцева и конно-механизированная группа генерала Н. С. Осликовского продвинулись далеко за Сенно, в их тылу «появилось» десятитысячное войско «противника, вырвавшееся из окружения». Это заставило задуматься не только генерала Казарцева, но и самого командарма.

Проигрыш занял почти весь день. Командующий был доволен не только потому, что командование армии правильно поняло его замысел и делает все, чтобы успешно провести операцию, но еще и потому,

что, впервые знакомясь здесь с командирами корпусов и дивизий, он смог оценить их ум, оперативно-тактическое мышление, командирскую хватку, способность быстро принимать решение и организовывать бой при новой ситуации. А в проигрыше их было предостаточно, они заставляли командиров корпусов и дивизий в полной мере развернуть свои способности.

Закончив проигрыш, генерал Черняховский поблагодарил командование армии за отличную организацию и глубокое проведение занятий и в заключение, обращаясь ко всем, сказал:

— В общем занятиями я доволен. Они показали, что вы можете успешно выполнить задачи по разгрому врага и освобождению многострадальной Белоруссии из фашистской неволи. А ситуации, которые я тут вводил,— это не выдумка досужего ума командующего фронтом, а вероятная действительность. К ним надо отнестись серьезно и теперь же отрабатывать против них такие контрмеры, которые полностью обеспечивали бы выполнение задач по разгрому врага. Желаю вам успеха в подготовке войск к решающему наступлению. При всем этом требую соблюдать строжайшую тайну и маскировку.

Распроцавшись с каждым, он шагнул в тень безрезы и там устало опустился на табуретку.

— Ну что, Иван Данилович, все? Поехали домой? — спросил Макаров.

— Домой? Никак нельзя. Еще в полк, к солдатам. Посмотрим, как они готовятся штурмовать вражескую оборону. Заодно проверим на месте, во всех ли ротах есть партийные группы.

— Да вы на себя не похожи!

— Ничего. Это от жары. Боевой дух солдат сразу усталость снимет. Поехали.

Генералу Макарову ничего не оставалось как согласиться.

— Мы хотели бы проехать в тот полк,— командующий обратился к генералу Крылову,— который уже отрабатывает прорыв обороны противника.

Командарм задумался.

— Пожалуй, лучше всего побывать на Суходровке, у Зубаки.

— Как дорога? — поинтересовался Черняховский.

— А вы не беспокойтесь. Я вас проведу короткой дорогой.

— Спасибо, Николай Иванович. Только прошу вас никого не предупреждать о нашей поездке. Сами знаете, комкор, комдив, их замполиты раньше нас там появятся. Тогда будет не истинное занятие, а демонстрация для начальства. А мне хочется посмотреть солдат и командиров взводов и рот, как они сами, без подсказки, выполняют свою задачу, не видя нас,— с солдатским рвением и с полной отдачей сил...

Черняховский решил даже не брать офицеров штаба фронта и оставил их в Чернышах.

— Разрешите мне ехать с вами за «штурмана»,— предложил генерал Крылов.

— Пожалуйста.

Дорога оказалась короткой. Миновав пыльный проселок, машина вошла в лес и, похрустывая при давленном валежником, мягко побежала среди мачтовых сосен, которые чем дальше, тем больше редели, между ними все чаще и чаще попадались пестрые стволы берез, плотно прикрывавшие своими кронами недавно пробитую дорогу. Таинственная их тень и узкие косые полосы пробивавшихся солнечных лучей создавали впечатление сказочного леса. Но нет, это был не сказочный, а фронтовой лес, переживший все

ужасы войны: кругом воронки, израненные деревья. И этот лес, встретив их буйной зеленью и звонким пением птиц, жил тоже своей боевой жизнью: то справа, то слева доносились разные звуки — рокот моторов, стук топоров, голоса команд, здесь обосновывались только что вышедшие в резерв полки.

Свернув вправо по узкой дорожке, «газик» уперся в березовую жердину — «шлагбаум», из-за которого вооруженный солдат поднял руку и прокричал: «Стой!» На его окрик из шалаша выскочил, в годах, при буденновских усах, старший сержант, с орденом Красного Знамени на груди. Узнав вышедшего из машины командарма, скомандовал постовому: «Смирно!» — и по всем правилам устава подошел к нему с намерением доложить. Увидев вылезавшего из «газика» человека в погонах генерал-полковника, еще раз одернул гимнастерку, поправил ремень, фуражку и четко представился Черняховскому.

В густом ольшанике оставили машины. Николай Иванович повел всех в ту сторону, откуда доносились команды.

Майор, увидев группу генералов, доложил, что его батальон проводит занятия по внезапному захвату плацдарма на берегу противника. Здесь тренируется 4-я рота.

— Вот мы и приехали посмотреть, как вы будете ночью форсировать реку и захватывать плацдарм, — сказал генерал Черняховский.

— Понял, товарищ генерал, — козырнул майор и проводил всех туда, откуда можно было наблюдать действия роты.

— Пожалуйста, — показал комбат на ящики, накрытые сложенными чехлами. — Здесь вам будет удобно.

Взору командующего фронтом открылась пойма

реки с десятком низких кустиков, за которыми, лежа в траве, скрывались бойцы.

— Разрешите продолжать занятия? — спросил майор.

— Продолжайте, — ответил генерал Черняховский.

И тут же майор скомандовал:

— Внимание! У противника тихо. Продолжайте движение!

Когда эхо еще катило последний звук слова «движение», бойцы подняли «кустики» — это были замаскированные плотики — и почти бесшумно побежали с ними к излучине реки. Еще сотня шагов — и они у цели, но вводная следовавшего за ними комбата: «Ракета!» — разом свалила безжавших солдат в разноцветье поймы. Минуты через две снова послышался голос майора: «Ракета потухла!» Бойцы вмиг поднялись и с прежней скоростью побежали к реке.

Слаженное действие этой роты захватило Ивана Даниловича. Он и сам было двинулся за ними к реке, но остановился. И, виновато улыбнувшись, проговорил:

— Простите великодушно. Увлёкся. Такое редко приходится видеть. Ведь это только рота, а сколько в действиях ее людей собранности, боевой сообразительности, решимости, дерзновения и громадной веры в успех! Пройдемте к реке, посмотрим, как они будут ее форсировать.

А на берегу бойцы, не останавливаясь, без команды, тихо спустили плотики на реку и поплыли к противоположному берегу. Со среднего плотика доносился голос комроты: «Веслами не шлепать. Не плашмя, а ребром в воду...» Высадившись на берегу «противника», взводы короткими перебежками рину-

лись к проволоке, в обход «вражеских огневых точек».

— Что дальше? — поинтересовался Черняховский.

— Дальше, товарищ командующий, блокировка взводами огневых точек и захват батальоном плацдарма на глубину первой позиции противника. Но сейчас только блокировка, — отвечал комбат. — Приезжайте посмотреть ночью. Интереснее. Все будет как в действительности — и ракеты, и стрельба.

— Спасибо. Не могу. У командующего работы тоже хватает. — Черняховский поблагодарил всех и уехал из полка, когда уже стемнело.

9

Иван Данилович возвратился к себе поздно. Только направился было в домик к брату, как к нему подбежал дежурный офицер и доложил, что в приемной его ждет командующий воздушной армией.

— Уже ждет? — Черняховский взглянул на светящийся циферблат наручных часов. — Боже! Одиннадцатый час. И давно ждет?

— Да так минут двадцать.

— Нехорошо, — протянул Иван Данилович и, бросив дежурному офицеру: — Скажите генералу, что я сейчас вернусь, — пошагал прямо к брату, да так торопливо, что Комаров еле-еле за ним успевал. — Саша, милый, прости, недосуг. В приемной давно ждет командарм авиации. Ужинай без меня, вот с Алешей. Я как освобожусь, сразу же приду.

Но детальное рассмотрение и уточнение всех вопросов боевого авиационного обеспечения операции

«Багратион» в предоперационный период и в ходе самого наступления отняло много времени.

Проводив командарма, Иван Данилович, несмотря на поздний час, все же пошел к брату. Тот, похрапывая, уже безмятежно спал.

— Эх, Саша, Саша,— грустно промолвил Иван Данилович, устало опустился на табуретку и, глядя на него, заботливо поправил сползшее одеяло.— Ладно, спи,— сказал он, решив все утро посвятить брату.

Возвратясь в дом, он направился в кабинет, сел за стол и взялся за то, что должен был сделать утром к одиннадцати. Но тут беспокойная мысль о вводе в прорыв вдоль Минской автомагистрали танкового корпуса и танковой армии остановила его. Он подошел к покатоному столу и склонился над оперативной картой. Густая сеть траншей и заграждений, противотанковых районов и артиллерийских позиций представилась ему по обе стороны Минской автомагистрали по ту сторону фронта.

В голове гудело: «Здесь не прорвешься, повиснешь со своими танками». И генерал Черняховский уже в который раз переводил взгляд на полосу наступления армии генерала Крылова Лиозно — Богушевск, наводившую на всех командиров страх своими лесами и болотами. Устало потянувшись, он включил радиоприемник. Тихо полилась мелодичная песня, напомнившая Ивану Даниловичу далекое детство. Склонившись над картой, он тихо вторил:

Дивлюсь я на небо та й думку гадаю:
Чому я не сокіл, чому не літаю...

И вот пришло решение: на всякий случай отработать второй вариант ввода в прорыв танкового корпуса севернее шоссе и танковой армии — в полосе

войск генерала Крылова. «Надо все это доложить Сталину, чтобы он утвердил». Послезавтра Ивану Даниловичу предстояло ехать в Ставку — докладывать свое окончательное решение по операции «Багратион». Черняховский сделал шаг, другой и остановился, припоминая, что еще должен сделать прежде, чем пойти спать. Затем, приоткрыв в приемную дверь, чтобы сказать, когда его разбудить, от яркого солнца зажмурился:

— Уже утро?

— Так точно, товарищ командующий, уже утро, — улыбнулся капитан и еле скрыл удивление, когда Черняховский сказал ему, направляясь к себе в комнату:

— Прошу в семь ноль-ноль стукнуть мне в дверь.

И ровно в семь часов стук поднял его.

— Уже? — удивился Иван Данилович. Но, как всегда, быстро поднялся, обежал трижды вокруг дома, потом, возвратясь к себе, побрился, оделся и, не задерживаясь, направился к брату, бросив на ходу капитану: — Как только придет генерал Баранов, доложите мне. Я в домике рядом.

Александр еще спал.

Иван Данилович шутливо прокричал:

— Подполковник Черняховский! Подъем!

— А, это ты, Ваня? — Александр, смотря сонно заспанными глазами, сел. — С добрым утром!

— С добрым утром, — ответил Иван Данилович.

— А мы с Алешей вчера тебя ждали до первых петухов.

— Прости, Саша. Я и сам хотел, но никак нельзя было вырваться. Приходил к тебе, но ты уже спал.

— А знаешь, Ваня, пожалуй, за всю войну я в первый раз так спал. Наше дело, танкистов, сам знаешь, какое. Так что часто не до себя. Иной раз так

измотаешься, что где сунешься, там и спишь. Ну, а как ты?

— Как тебе сказать? Сам видишь, для сна все есть, да вот только времени маловато...

За завтраком больше разговаривали, чем ели.

— Завидую тебе, Ваня. Ты вот недавно был у своих, видел жену, ребят, всем сердцем пережил радость этой встречи. Да и теперь едешь в Москву, снова увидишься... А я вот как в сорок первом подняли по тревоге, так с тех пор своих и не видел,— Александр сокрушенно опустил голову.

Ивану Даниловичу до глубины души стало жаль брата. Он подсел к нему и, обняв, прижал к себе...

Прощаясь с Александром, Иван Данилович смотрел на него скорее как отец, а не брат.

В приемной его уже ждал начальник инженерных войск фронта генерал Н. П. Баранов.

— Чтобы не терять времени на объяснение, прошу вас, Николай Парфентьевич, к карте,— показал он на покатый стол и сам пододвинул к нему свою рабочую «карту раздумий». — Вот мое предварительное решение второго варианта ввода в прорыв в полосе армии Крылова танковой армии маршала Ротмистрова. Давайте, Николай Парфентьевич, представим на этом направлении все трудности, неожиданности и порассуждаем вслух, что надо делать, чтобы здесь ввести в прорыв не только конно-механизированную группу, но и танковую армию.

— Я готов, товарищ командующий,— генерал Баранов по давнишней привычке (за его плечами было две войны — империалистическая и гражданская) привстал и опустил руки по швам.— Начнем с исходного положения... — Теперь генерал Баранов овладел инициативой. Склоняясь над рабочей картой, он деловито и обоснованно выкладывал свои соображения.

Командующий сидел полубоком к нему и внимательно слушал. Они внимательно просмотрели по двухкилометровке весь предполагаемый путь танкистов и на сомнительных местах и преградах поставили знаки и цифры инженерного обеспечения. А когда Николай Парфентьевич поставил на карте последний знак, генерал Черняховский поднялся и крепко пожал его руку:

— Большое спасибо, Николай Парфентьевич! Вы укрепили во мне веру в реальность этого плана.

И снова Черняховский с Покровским и Иголкиным долго трудятся. Наконец все, что касается первого этапа Белорусской операции, полностью отработано.

— Спасибо вам за столь великий труд. Всего хорошего!

Проводив их до дороги, он возвратился к дому и там, в гуще кустов, опустился на скамейку. Издалека доносилось гудение самолета, но звонкая трель и щелканье соловья заглушали его гудение. И как он был огорчен, когда гулко хлопнула дверь и спугнула ночного певца.

— В чем дело? — Черняховский поднялся навстречу бежавшему к нему подполковнику Комарову.

— ВЧ. Москва. Управление кадров, — доложил тот.

— Управление кадров? — не без удивления повторил Черняховский и торопливо направился в дом.

После короткого взаимного приветствия начальник Главного управления кадров сообщил, что генерал Берзарин назначается на 3-й Украинский фронт.

— На более высокий пост?

— Нет, — ответил начальник кадров. — Командармом пятой ударной.

— Командармом? Как же так? Почему? — с нот-

кой возмущения спросил Иван Данилович.— Генерал Берзарин прекрасный командарм и военачальник. Он достоин более высокого поста... Я, товарищ генерал, протестую. Уверен, что мой протест поддержит и Военный совет... Менять командарма в такой исключительно важный момент просто недопустимо. Я вынужден сейчас же по этому поводу обратиться к товарищу Сталину...

— Не советую,— мягко остановил его начальник кадров.— Назначение генерала Берзарина решал сам Верховный.

Раз решил Верховный, то возражать было бесполезно.

— А кто же вместо него? — более сдержанно спросил Черняховский.

— Не менее достойный и заслуженный, знакомый вам Герой Советского Союза генерал-лейтенант Людников Иван Ильич.

— Кандидат действительно достойный. Но все же, товарищ генерал, прежде чем делать такое предложение Верховному, надо было с нами, я имею в виду — со мной и членом Военного совета, согласовать.

— Не мог. Сам узнал постфактум. Моя задача — согласовать с вами кандидатуру генерала Людникова. Что доложить Верховному?

Черняховский задумался. И только тогда, когда в трубке прозвучало: «Так что же?» — ответил:

— Я согласен. Но это надо согласовать с членом Военного совета. Разрешите дать окончательный ответ минут через двадцать?

Последовал ответ: «Хорошо».

Иван Данилович медленно опустил трубку и застыл, придавленный тяжелым раздумьем: ему было очень жаль расставаться с Николаем Эрстовичем Берзариным.

Позвонил Макарову. Василий Емельянович тут же пришел.

— Что случилось?

Иван Данилович рассказал ему весь разговор с начальником ГУКа.

— Может быть, запротестуем? — предложил генерал Макаров.

— Не надо. Ивана Ильича Людникова я хорошо знаю. Мы вместе с ним громили врага и в сражении за Курск, и в Курской битве, и в боях на Правобережной Украине.

— Раз так, чего ж раздумывать? Я — за.

10

Утром 31 мая 1944 года генерал И. Д. Черняховский прибыл в Москву и направился прямо в Генеральный штаб. Там в присутствии Маршалов Советского Союза А. М. Василевского и Г. К. Жукова, генерала армии А. И. Антонова его посвятили в замысел Белорусской операции «Багратион», который предусматривал ликвидацию выступа противника в районе Витебск, Бобруйск, Минск и выход на фронт Дисна, Молодечно, Столбцы, Старобин. Здесь открывались ворота для полного освобождения Белоруссии, Прибалтики, а дальше и Польши.

По этому замыслу предполагалось нанести два мощных концентрических удара по флангам войск противника, оборонявшегося в Белорусском выступе: с севера — силами 1-го Прибалтийского и 3-го Белорусского фронтов в направлении на Сенно — Борисов — Минск и с юга — в направлении Бобруйск — Минск. В районе Минска окружить и уничтожить основные силы армий «Центр».

Генерал Черняховский доложил свои соображения по замыслу и по проведению фронтом самой операции. Докладил о нанесении главного удара не на Оршу, как первоначально проектировала Ставка, а из Лиозно на Богушевск. И в защиту этого варианта обстоятельно обосновал выгодность этого удара и полную его обеспеченность инженерными силами и средствами.

Что здесь выгодно наносить удар, понимали и Василевский, и Жуков, и Антонов. Но обширные леса и болота озадачивали их: как через них пройдут танки и артиллерия? Кто-кто, а уж маршалы Василевский и Жуков прекрасно знали белорусские леса и болота: Александр Михайлович воевал в этих местах в гражданскую войну, да и позже бывал, в тридцатых годах, а Георгий Константинович Жуков прослужил в Белоруссии в кавалерийских частях вплоть до тридцать девятого года. Здесь он вырос с командира кавалерийского эскадрона до заместителя командующего войсками Белорусского военного округа. И, конечно, все трое, особенно Георгий Константинович, донимали молодого командующего фронтом своими вопросами: «А как здесь?..»

Черняховский, в душе благодаря генералов Баранова, Покровского, Иголкина, четко докладывал, что будут делать саперы, понтонеры и им помогающие общевойсковые части, чтобы пропустить по болотам и через реки войска, а самое главное, гвардейскую танковую армию маршала Ротмистрова. И все это получилось у него так убедительно, что не раз слышались голоса маршалов: «Хорошо. Здесь согласны». И снова их карандаши продвигались вперед, замирали на синих штрихах болота: «А здесь как? Ведь тут саперы тоже нужны, и много...»

— Так точно. Здесь, как и раньше, вводится сразу

за наступающими войсками свежая инженерная бригада. Она прокладывает гать, пропускает по ней танковую армию. А с этого рубежа,— генерал Черняховский провел самопиской по железной дороге на участке Смоляны — Вейно,— танковая армия выйдет на оперативный простор.

— И вы уверены? — Маршал Жуков смотрел на него в упор.

— Вполне, товарищ маршал,— твердо ответил Черняховский.

Наконец все. Иван Данилович вышел из кабинета маршала Василевского, окрыленный надеждой, что у Сталина Генштаб его поддержит и все будет так, как он докладывал. А еще он радовался тому, что сказал ему Александр Михайлович:

— Мы вместе будем проводить эту операцию¹.

— Очень и очень рад, товарищ маршал,— искренне ответил Иван Данилович.

Во второй половине дня, наскоро пообедав в столовой Генштаба, он направился в Кремль, волнуясь перед встречей со Сталиным. Вдруг скажет «Оставить как было!»? Прежде чем переступить порог его рабочего кабинета, Иван Данилович постарался не думать об этом. Войдя в комнату, представился Верховному. Сразу стало легче, когда увидел там Василевского и Антонова. Докладывал Александр Михайлович. К радости Черняховского, Сталин с предложениями и доводами командования 3-го Белорусского фронта согласился. В соответствии с этим Ставка

¹ 30 мая 1944 года Ставка Верховного Главнокомандования назначила для координации действий фронтов своих представителей: 1-го Прибалтийского и 3-го Белорусского — Маршала Советского Союза А. М. Василевского, 2-го и 1-го Белорусских — Маршала Советского Союза Г. К. Жукова.

Верховного Главнокомандования дала фронту директиву, которой утвердила два варианта направления главного удара, а стало быть, и ввода в прорыв 5-й гвардейской танковой армии П. А. Ротмистрова: основной — на Оршу, вдоль Московско-Минского шоссе, второй — из района Лиозно на Богусhevск, но только в том случае, когда командующему фронтом окончательно станет ясно, что на Оршу прорваться нельзя.

Когда Верховный, прощаясь, протянул руку, Черняховский решил было просить его оставить генерала Берзарина на прежней армии, но Сталин, как будто прочитав мысли Ивана Даниловича, сказал:

— Мы решили генерала Берзарина назначить на другую армию. Так надо, — последние два слова произнес многозначительно. — Вместо него направлен генерал Людников. По всем данным, достойный кандидат.

Выйдя к машине, Черняховский, словно после тяжелой работы, грузно опустился на сиденье рядом с шофером.

— Куда, товарищ генерал? — спросил его подполковник Комаров.

— Куда? — повторил Иван Данилович, все еще не освободившись от пережитого волнения. — Домой, Алеша!

— Проезд Девичьего поля, — назвал адрес Комаров.

— До утра вы свободны. Отдыхайте. Отъезд завтра в пять ноль-ноль, — бросил он Комарову и шоферу, когда подъехали к дому, легко повернулся, юркнул в подъезд и без передыха поднялся на пятый этаж. Войдя в приоткрытую дверь, из которой тянуло чем-то подгорелым, торопливо зашагал по длинному коридору, не обращая внимания ни на чад,

ни на голоса женщин, доносившиеся из кухни. Вот и заветная дверь. Не стуча, Иван Данилович распахнул ее.

— Ваня?! Папа! — И все — жена, дочь, сынишка — бросились к нему. Они обнимали, целовали его, приговаривая: «Папа, милый, как мы рады...», «А как мы тебя ждали!».

— Устал? — спросила жена. — Раздевайся.

Нилуся и Алик принялись расстегивать ремень и китель.

— Не надо, дети. Я сам, я сам, — пробовал сопротивляться Иван Данилович. Но куда там!

Дома царил настоящий праздник, праздник встречи солдата с семьей. Торжество было тихое. Иван Данилович безгранично любил детей и допоздна был с ними. Его радовало, что Нилуся на «отлично» завершает учебный год, что уже по-взрослому смотрит на жизнь, на свое будущее. А ей ведь только пятнадцать лет. Радовал и Алик живым характером да смышленостью...

Иван Данилович поднялся с рассветом. Перед уходом пришел к детям. Алик крепко спал и даже не шевельнулся. Нилуся проснулась, обхватила шею отца и, целуя, дрогнувшим голосом проговорила: «До свидания, папа. Береги себя».

У двери Иван Данилович безмолвно поцеловал жену. За ним, несмотря на его протесты, накинув на плечи шаль, вышла Анастасия Григорьевна, намереваясь проводить до машины.

— Тася, милая, не надо. Иди домой, — обхватив за плечи, так и ввел ее в квартиру. Потом стал медленно спускаться по ступенькам... Жалобный писк двери заставил его взглянуть вверх. Да, это была Анастасия Григорьевна. Опершись о перила, она провожала его печальным взглядом.

Вернувшись, Черняховский в узком кругу — были генералы В. Е. Макаров, И. С. Хохлов (второй член Военного совета), А. П. Покровский и П. И. Иголкин — не столько рассказывал о том, что и как было в Генштабе, а больше говорил о полученной директиве Ставки, подписанной Сталиным и Жуковым, которая окончательно утвердила уточненный план Белорусской операции «Багратион». На уточнение и предварительные наброски задач армиям ушло два часа.

— Товарищи, впереди трудная работа по составлению детального плана операции и плана подготовки войск, — сказал Черняховский. — В этом деле, Александр Петрович и Петр Иванович, я целиком полагаюсь на вас.

Вскоре стали прибывать командармы и члены военных советов армий.

Командующий кратко ознакомил их с последней директивой Ставки, с оперативным замыслом, с задачами, которые будет решать фронт на первом этапе операции. Затем более конкретно изложил задачи армий. Поделился и своими мыслями.

— Кажется, все, — произнес Черняховский. — Теперь, товарищи генералы, как вернетесь к себе, немедленно приступайте к разработке и планированию операции своей армии. Об одном прошу вас: полная скрытность работы штабов, сосредоточения и передвижения войск. Делать все так, чтобы противник не мог разгадать наши намерения и планы. Поэтому к разработке документации на проведение операции допустить самый ограниченный круг людей — начальника штаба армии, начоперотдела штарма, на-

чальников родов войск, тыла. Все расчеты делать лично, никому не перепоручая и никого не привлекая. Писать только от руки. Никаких черновиков. Все расчеты и записки хранить в личном сейфе и при надежной охране. Перегруппировки производить только ночью. Днем в местах сосредоточения частей и соединений — тишина, костров не разводить, пищу готовить километрах в десяти — пятнадцати от их расположения... По телефону и радио — ни слова! Если потребуется переговорить со мной или что-нибудь уточнить, приезжайте или позвоните — сам приеду. — Помолчав, командующий продолжал: — По сведениям нашего политуправления, в последнее время парторганизации частей фронта приняли в члены и кандидаты в члены партии многих солдат и офицеров. Всего в составе фронта на сегодня насчитывается сто шестьдесят две тысячи триста двадцать четыре коммуниста, что составляет пятую часть всего личного состава. Это позволяет нам создать в ротах не только партгруппы, но и полнокровные партийные организации. Поэтому, товарищи командармы и члены военных советов, было бы хорошо немедленно развернуть в дивизиях и корпусах краткосрочные курсы по подготовке ротных партийных и комсомольских организаторов и их заместителей из воинов, политически подкованных и проявивших себя в бою активистов, с таким расчетом, чтобы к 10 июня они вернулись в свои роты.

Когда совещание закончилось, командующий попросил остаться генерала Берзарина. И как ни было тяжело, он сказал Николаю Эрастовичу о новом назначении. Его лицо сразу изменилось: брови поползли к переносице, губы словно от боли сжались.

Ивану Даниловичу стало не по себе.

— Искренне говорю вам, дорогой Николай Эрастович, мне очень и очень жаль с вами расставаться... Я всегда помню ваше доброе и хорошее ко мне отношение, всегда дорожил и дорожу нашей дружбой и хочу, чтобы и дальше мы оставались такими же друзьями.

Иван Данилович проводил Николая Эрастовича до машины. Распрощались как родные.

Возвращался Иван Данилович лесными тропами, чтобы унять волнение, подышать воздухом...

С того дня, как командующий вернулся из Москвы, к нему было трудно попасть: он подолгу работал с Покровским и Иголкиным. Но как-то днем я все же «прорвался» с прибывшим из Москвы генералом И. И. Людниковым.

— Иван Ильич! Здравствуйте! С приездом,— идя от стола нам навстречу, Иван Данилович приветливо протянул Людникову обе руки.— Вот и опять вместе, и опять в преддверии решающего сражения. Прощу,— жестом показал на стул, что у столика, стоящего торцом впритык к письменному столу, а сам, зайдя по другую сторону, сел против Людникова.— Николай Иванович, присаживайтесь.

И я оказался свидетелем встречи боевых товарищей. Черняховский и Людников вспоминали бывшие ратные дела и все, что было вместе пережито.

Вспоминая декабрь 1943 года, жаркие бои 15-го стрелкового корпуса под городом Малином, генерал Черняховский, не замечая того, сам заговорил о Витебской операции. Подтянув к себе карту и водя по ней карандашом, познакомил Людникова с обстановкой на витебском направлении, сжато, как он это умел, рассказал о замысле и задачах армии по окружению и разгрому здесь войск генерала Гольвицера.

Иван Данилович никогда не навязывал своих мыслей командармам и никогда не сковывал их инициативы, но сейчас чувствовалось, что он стремился скорее ввести в курс дела нового командира, передать ему все, что уже твердо отложилось, и еще то, что надо предусмотреть Ивану Ильичу при принятии решения.

— Мы с вами горьким опытом научены,— продолжал Черняховский.— Поэтому прошу вас: при охвате группировки Гольвитцера будьте начеку и на случай его прорыва в межозерье основательно себя обеспечьте. А он здесь наверняка будет прорываться. На будущей неделе я буду у вас. Возможно, с маршалом Василевским, так что будьте готовы к докладу о подготовке к операции. Если у вас нет ко мне вопросов, то у меня, Иван Ильич, все,— Черняховский встал. Встали и мы.

— Вопросов нет,— ответил Людников.

12

В ночь на 20 июня командующий, член Военного совета и командующие родами войск фронта с оперативной группой, возглавляемой генералом Иголкиным, убыли на передовой командный пункт. Он размещался в блиндажах на малозаметной высоте «208,5», немного севернее Минского шоссе, примерно в двух с половиной километрах от переднего края. Здесь же были построены блиндаж для представителя Ставки Маршала Советского Союза А. М. Василевского и его группы. На основном КП, в лесу южнее Гусина, остался штаб во главе с генерал-лейтенантом А. П. Покровским, на плечи которого легли большие

заботы по осуществлению решений командующего и боевому обеспечению операции.

В эту же ночь перебрались на свои передовые КП и командармы. Теперь управление войсками фронта шло с этой ничем не примечательной высоты.

Если до сих пор враг, считавший, что на этом фронте не может быть наступления крупных сил, вел себя относительно спокойно, то в последние дни он стал заметно активничать, стремясь разгадать наши намерения. Поэтому командующий еще раз потребовал от войск строгого соблюдения маскировки, полного молчания радиостанций.

К середине июня были завершены все перегруппировки и войска армий заняли на фронте предбоевой порядок согласно первому варианту, утвержденному Ставкой.

Казалось, сделано все и можно последние два дня перед операцией отдохнуть. Но Иван Данилович, склонясь над картой, размышлял, как поведет себя противник, когда войска армии генерал-лейтенанта В. В. Глаголева захватят Оршу, а войска соседнего фронта, форсировав Днепр южнее Могилева, перехватят пути отхода немцев на Слуцк.

— Куда бросится противник, когда мы возьмем Оршу, а 2-й Белорусский фронт — Осиповичи? — смотрит он на Иголкина и Макарова, корректировавшего «Обращение Военного совета к войскам».

— Естественно, на Минское шоссе, а там на Минск или на север... — ответил генерал Иголкин.

— ...По тылам наших армий? — добавил Черняховский. — И наделает там такой тарарам, что мы вместо Минска на Друти застрянем... А чтобы этого не произошло, — он многозначительно обвел всех лукавым взглядом, — я решил левый фланг фронта прикрыть танковым корпусом Бурдейного. Ну как?

Такое оригинальное, смелое и неожиданное решение на какое-то мгновение озадачило и Макарова, и Иголкина: его надо было взвесить, сопоставив все «за» и «против». Наконец генерал Иголкин кивнул своей бритой головой:

— Правильно, товарищ командующий. Это — самое рациональное решение. Только Бурдейного надо усилить пехотой.

— Согласен, — ответил Черняховский. — Как, Василий Емельянович?

— Я — за, — произнес генерал Макаров. — Созвонюсь с партизанским штабом Белоруссии и попрошу, чтобы партизаны своими боевыми действиями помогли корпусу Бурдейного.

— Быть посему! — удовлетворенно воскликнул Иван Данилович и направил генерала Иголкина готовить указания в соответствии с этим решением.

13

Наступил канун Белорусской операции — 22 июня, третья годовщина начала Великой Отечественной войны. И вот в тот момент, когда гитлеровцы отмечали эту годовщину праздничным обедом, на их головы обрушился шквал огня.

Генерал Черняховский не отходил от стереотрубы, наблюдая со своего НП наступление передового батальона гвардейской дивизии. Враг неистово сопротивлялся, и батальон медленно-медленно продвигался вперед. В результате трехчасового кровопролитного боя он смог ворваться лишь в первую траншею врага. Не лучше было положение и в других дивизи-

ях, стоявших на направлении вдоль Минской автомагистрали.

С правого крыла фронта — богушевское и витебское направления — шли более приятные вести: там передовые батальоны форсировали пугавшую всех Суходровку и с ходу завладели первой и второй траншеями, а некоторые — и всей первой позицией врага. А на правом фланге армии генерала Крылова даже захватили полностью вторую позицию и ведут упорные оборонительные бои с контратакующими резервами врага.

— Спасибо, Николай Иванович, за приятную весть! — благодарил командующий генерала Крылова. — Теперь расширяйте плацдарм немедленно и стройте через Суходровку мосты с учетом пропуска тяжелых танков. Генерал Баранов у вас? Очень хорошо...

Здесь же, в блиндаже командующего, генерал Иголкин наносил на его рабочую карту все изменения в движении каждого батальона и невольно подумал: как прав был командующий, говоря, что на богушевском направлении противник нас не ждет! Успешное продвижение передовых батальонов на фронте армии генерала Н. И. Крылова заставило подтянуть некоторые дивизии, перенацелить артиллерию и авиацию, а в связи с этим и перестроить авиационное и артиллерийское наступление. В то же время незначительный успех передовых батальонов здесь, в полосе Минской автомагистрали, заставил командующего подумать над тем, что нужно сделать за ночь и чем помочь 11-й гвардейской армии генерала Галицкого, чтобы она завтра прорвала фронт и успешно двинулась вперед. Ведь сзади нее, вдоль Минского шоссе, стоял и ждал этих успехов гвардейский танковый корпус генерала Бурдейного, а за ним, в лесах у

Гусина, гвардейская танковая армия маршала Ротмистрова.

— Как бы сделать так, чтобы вы и ваши люди хотя бы чуточку поспали? — сказал Черняховский, протягивая свои черновые наброски П. И. Иголкину. — А то завтра в шесть начнем, так с неделю, пожалуй, не придется и прилечь.

— Удастся ли, товарищ командующий? Работы много.

— Это, товарищ Иголкин, необходимо, — проговорил командующий.

Проводив его, Черняховский пригласил к себе члена Военного совета и начальника политуправления фронта. Командующего интересовало, как политработники подготовили войска к операции.

Макаров доложил, что политуправление фронта разработало план политического обеспечения предстоящей операции. Проведена громадная работа в войсках. Значительно выросли и окрепли партийные организации частей и соединений.

Казбинцев добавил, что воины фронта рвутся в бой, чтобы скорее освободить Советскую Белоруссию от гитлеровцев.

— Да, цены нет нашему солдату, стойкому, верному, бесстрашному, — в раздумье произнес Иван Данилович.

Было уже поздно, когда он остался один. Вышел из блиндажа и полной грудью вдохнул свежий ночной воздух. Его потянуло выйти из хода сообщения туда, на полянку.

Ночь была светлая, прозрачная, только с передовой изрядно тянуло горечью порохового дыма.

— Эх, если бы завтра была такая погода! — восхищенно смотрел Черняховский на звездное небо.

23 июня 1944 года. Еще не было шести, когда командующий и член Военного совета вышли на НП. По всему фронту было тихо, лишь со стороны противника изредка для остротки доносилось тарахтение автоматов.

На всем пространстве нашего фронта войска готовились к сражению: от Лиозно до Баева, что за Днепром, воины завтракали, а севернее, от Лиозно до Двины, части армии Людникова в боевой готовности уже находились на своих позициях.

Иван Данилович и Василий Емельянович смотрели в стереотрубы на позиции, прикрывавшие Минское шоссе, а сами мысленно были под Витебском, на НП генерала Людникова: его армия в шесть часов утра должна была начать операцию «Багратион» артиллерийской подготовкой, а в восемь двадцать двинуться на штурм витебской группировки, форсировать Лучесу как раз там, где генерал Гольвитцер сам предполагал ее форсировать, затем подрезать армию Ивана Людникова под корень, прижать к Двине и потопить.

И вот ранним утром началось то великое, чего так тревожно ждали войска четырех фронтов.

В шесть ноль-ноль этого сверкавшего изумрудом после ночного дождя утра вся артиллерия и «катюши» в полосе армии генерала И. И. Людникова шквальным огнем навалились на передний край витебской обороны противника, когда на всем пространстве 3-го Белорусского фронта и соседних с ним фронтов стояла тишина.

Ровно в шесть зашипел ВЧ — звонил генерал Людников.

Командующий взял трубку. Разговор был коротким. Пожелав Людникову успеха, Черняховский обвел всех многозначительным взглядом:

— Ну, друзья, Людников начал. — И, немного по-

молчав, как бы собираясь с мыслями, обратился к генералу Иголкину и находившимся здесь направлениям: — А теперь, товарищи, по местам и все внимание — боевой готовности армий. Ведь по плану часом позже остальные армии нашего фронта, 1-й Прибалтийский и 2-й Белорусский начнут артиллерийское и авиационное наступление, а в девять ноль-ноль на четырехсоткилометровом пространстве — от озера Нещердо до реки Сож, что у Славгорода, — поднимутся войска на штурм укрепленной полосы «Фатерланд». А на другой день на рубеже Славгород — Мозырь вступит в сражение за освобождение Белоруссии и 1-й Белорусский фронт под командованием генерала К. К. Рокоссовского.

Наконец наступил торжественный момент — семь ноль-ноль. Все, от командующего фронтом до солдат передовой, с замиранием сердца смотрели из укрытий на огневой вал, который, налетев на передний край обороны врага, начал то, с чего обычно начинаются все сражения.

И в этот самый момент, когда Черняховский наблюдал в стереотрубу огневой налет артиллерии и «катюш» на первую позицию противника, подошел дежурный по НП офицер и доложил, что его просит к телефону генерал Людников.

— Людников? — удивился командующий и пошел к телефону.

Что говорил командарм-39, неизвестно. Но по лицу Черняховского можно было представить, что там свершилось что-то чрезвычайное: с каждой секундой брови Ивана Даниловича сдвигались, губы сжимались, глаза гневно засверкали.

— Как же это так? — его голос прозвучал горечью и возмущением. Генерал Макаров, стоявший рядом, порывался узнать, в чем дело. Черняховский

остановил его. Дослушав Людникова до конца, он более спокойно сказал:

— Ну что ж... Теперь не остановишь. Так что немедленно перенацельте артиллерию и авиацию, а то шарахнут по своим... Перенацелили? Прекрасно. Действуйте! Почаще информируйте меня.

— Что случилось? — спросил Макаров.

— Случилось, Василий Емельянович, то, чего не мог предвидеть и сам всевышний. Пехота одного батальона в 19-й гвардейской стрелковой дивизии самостоятельно поднялась в атаку, и за ней перешла в наступление вся армия. Противник, спасая пехоту от нашего огня, отводил ее с переднего края в укрытие, а майору Федорову показалось, что гитлеровцы отходят, и, чтобы их не упустить и не ударить по пустому месту, он, не дождавшись конца артподготовки, запустил ракету, поднял батальон и повел его в атаку. За ним ринулась вперед группа захвата мостов. Глядя на них, поднялись соседние батальоны, а там и полки. Так что Людникову ничего не оставалось, как отдать приказ о наступлении... Будем делать все, чтобы шло как надо,— и тут же позвонил командующим ВВС и артиллерии и поставил их в известность о случившемся.

Артиллерия перенесла огонь в глубину обороны противника, и в завершение, за 15 минут до наступления, фронтовая авиация нанесла мощные бомбовые удары по боевым порядкам, штабам и резервам противника. А за пять минут до атаки танков и пехоты, когда гитлеровцы вновь заняли траншеи переднего края для отражения атаки, по ним снова ударили артиллерия и авиация.

Это был ад крошечный: над передним краем врага стояла черная стена вздыбленной земли. Ровно в девять рванулись вперед танки, а за ними дружно

поднялась пехота, и окрест загремело могучее «ура!».

Еще накануне вступила в бой партизанская армия Белоруссии. Началась великая битва за Белоруссию.

Расчеты генерала Черняховского оправдались. Успешнее всего наступали войска правого крыла фронта. За первый день армия генерала Крылова, несмотря на ночной дождь, прорвала всю глубину тактической обороны, на второй день форсировала Лучесу, перехватила шоссе Витебск — Орша и, отрезав витебскую группировку от главных резервов армии, обеспечила ввод в прорыв конно-механизированной группы генерала Н. С. Осликовского, которая состояла из его гвардейского конного корпуса и гвардейского мехкорпуса генерала В. Т. Обухова. Эта группа совместно со стрелковыми дивизиями генерала А. А. Казаряна и полковника А. А. Донца стремительно ударила на Богушевск и в ночь другого дня овладела им.

В направлении Витебска события развивались сверх ожидания успешно. Здесь войска левого фланга армии генерала И. И. Людникова, поднятые преждевременной атакой батальона майора Б. Ф. Федорова, неожиданно для противника ударили по его переднему краю, с ходу овладели его первой траншеей и столь же стремительно стали наступать на вторую.

Успешно действовали его соседи — 2-й и 3-й батальоны 61-го гвардейского стрелкового полка и группа захвата переправ комсорга 1-го батальона лейтенанта М. И. Дружинина, которая, не ввязываясь в рукопашную за вторую траншею, напрямик рванулась к Лучесе, молниеносной атакой перебила там прикрытие и овладела всеми мостами.

И в девять тридцать, то есть на три часа раньше, чем предусматривалось планом операции, здесь, на

Лучесе, началось форсирование реки. Вскоре переправившиеся части выбили гитлеровцев из третьей траншеи, надежно прикрыли переправы, и по целехоньким трем мостам двинулись главные силы ударной группировки армии.

В результате успешного наступления к вечеру первого дня сражения эта армия прорвала сильно укрепленную оборону врага на глубину до 15 километров, захватила станцию Замосточье и витебский большак на Мокшаны, чем лишила группировку генерала Гольвитцера всех коммуникаций на Оршу. Это уже была победа!

Зато по обе стороны Минского шоссе, насколько могла охватить стереотруба командующего, шло упорное сражение. Впереди все тонуло в крутящемся дыму разрывов и пожарищ. Земля, а вместе с ней и НП командующего, нервно вздрагивая, тряслись как в лихорадке.

И казалось, что войска сражаются все на том же месте.

Так было здесь и на второй день операции. Из-за этого 2-й гвардейский танковый корпус генерала Бурдейного не сдвинулся с места. Иван Данилович заметно погрузнел, но духом все же не падал и спокойно, без нервозности руководил сражением.

— «Что ты, Вася, приуныл, голову повесил?» — пропел Черняховский и через силу улыбнулся, увидев грустное лицо генерала Макарова. — Это, дорогой Василий Емельянович, еще не горе. Бой, как видишь, идет. Бой напряженный, но не безнадежный. Здесь победит тот, кто сильнее духом. А в этом мы сильнее, — Иван Данилович хотел что-то еще сказать, но торопливые шаги генерала Иголкина его остановили.

— Что-нибудь новое? Радостное?

— Не могу порадовать, — и генерал Иголкин раз-

ложил свою карту.— Сейчас докладывал генерал Алешин.

На этом направлении, в лесах у Бурдюки, появилась 25-я зенитная артиллерийская дивизия противника. Ее задача — бороться с танками в полосе Минской автострады. Пленный говорит — его допрашивает сам Алешин, — что они ждут здесь, вдоль шоссе, танкового наступления. Назначены бороться с танками.

— Говорите — бороться с танками? — повторил командующий. — Выходит, они не дураки, правильно определили и припрятали грозный сюрприз... Все ясно. Это еще раз нас убеждает, что здесь вводить танковую армию нельзя. А где же ее вводить? — генерал Черняховский глядел на карту.

Но тут раздался долгожданный звонок. Командующий и член Военного совета торопливо зашагали по ходу сообщения встречать А. М. Василевского, который приехал на КП вместе с командующим 5-й гвардейской танковой армией маршалом бронетанковых войск П. А. Ротмистровым. Генерал Черняховский доложил маршалу Василевскому свое решение о введении в прорыв танковой армии маршала Ротмистрова не по Минскому шоссе, а на богушевском направлении, обстоятельно аргументировав его. Василевский одобрил это решение.

И генерал Черняховский здесь же, на КП, отдал приказ маршалу Ротмистрову сосредоточить свою армию в лесах северо-западнее Рудни с таким расчетом, чтобы в половине дня 25 июня войти в прорыв в полосе наступления армии генерала Крылова и наступать в направлении Богушевск — Толочин. По овладении Толочином развивать успех вдоль Минской автомагистрали, на Борисов, и с ходу захватить переправы через Березину.

У маршала Ротмистрова чуть было не вырвалось: «А где же вы раньше были?» — передовые части его армии уже начали движение вдоль Минской авто-страды.

Из-за отсутствия дорог надо было всей армии возвратиться в прежний выжидательный район и уже оттуда совершать шестидесятикилометровый марш в полосу армии генерала Крылова. Маршал Ротмистров прямо из блиндажа позвонил начальнику штаба армии П. И. Калинин: «Срочно остановите движение. Будем действовать по второму варианту». И надо сказать, что командование и личный состав танковой армии в эти сутки проявили необыкновенные доблесть и мужество: к исходу 25 июня армия сосредоточилась в новом исходном районе, а на рассвете 26-го начала свое выдвижение.

Проводив маршалов Василевского и Ротмистрова, Черняховский и Макаров еще долго стояли у блиндажа, и каждый напряженно думал об одном и том же.

— А корпус Бурдейного на Лысырцики вводить нельзя, не пройдет. Позвоним еще раз Кузьме Никитичу, может, он нас чем-нибудь и обрадует...— предложил Черняховский. И по его лицу во время разговора было видно, что генерал Галицкий действительно чем-то обрадовал.

Глядя на него, посветлел и Макаров, тут же подсунув ему под руки карту. Иван Данилович стал энергично окружать красным карандашом освобожденные населенные пункты.

— Дорогой Василий Емельянович, наконец-то гвардейцы корпуса генерала Шафранова,— Черняховский восторженно стучал карандашом по правому флангу армии генерала Галицкого,— овладели опорными пунктами Остров Юрьев, Осинторф и успешно

пошли вперед. Так что курс корпусу Бурдейного мы меняем и вводим его не на Лысырщики, а севернее — на Осинторф, — и повел карандашом по дуге значительно севернее шоссе Москва — Минск. — А там, как только он перережет Витебское шоссе, повернет в обход Орши на юг, на Погост, и дальше по первоначальному плану. Ну как?

— Правильно, — согласился генерал Макаров. — А я сейчас попрошу полковника Бельченко связаться с партизанами, действующими в этих лесах, и дать им указание помочь корпусу в его продвижении на Ключовку. Уж кто-кто, а они-то здесь все тропы знают. Да к тому же и надежная боевая сила.

14

Солнечное утро 25 июня.

Над КП фронта уже не громыхали трескучие разрывы, да и воздух стал чище. На израненной, ободранной березке приветливо свистела синичка.

— Тсс, — командующий предупреждаяще приложил палец к губам, показав глазами шагавшему по ходу сообщения генералу Иголкину на эту первую предвестницу фронтовой тишины. Но было уже поздно. Генерал Иголкин, увидев Черняховского, патетически произнес:

— Лед тронулся, товарищ командующий!

Они вошли в блиндаж. Иголкин, развернув свою карту, продолжал:

— Бурдейный прорвался и набирает темп. Его передовой отряд уже вышел на Витебское шоссе и овладел Ключовкой. На Минской автомагистрали Траут начал отводить свои войска и ведет сдержива-

ющие бои. 26-я и 84-я гвардейские стрелковые дивизии успешно продвигаются вдоль Минского шоссе к рубежу Юрцево — Барсуки.

— Большое спасибо за радостную весть,— глаза командующего заблестели. Ему хотелось как можно скорее ввести в прорыв главные силы танковой армии. Ее передовые отряды уже двинулись с исходного положения в полосу армии генерала Крылова, войска которой дрались за Сенно и овладели Смолянами. Армия генерала Людникова во взаимодействии с войсками 1-го Прибалтийского фронта к этому времени со всех сторон обложили Витебск.

Завтракали вместе. Потом генерал Черняховский и генерал Макаров, под охраной бронетранспортера, направились на автомашинах по Минской автомагистрали туда, где дивизии гвардейского стрелкового корпуса вели решающий бой.

К фронту шли машины с боеприпасами. А навстречу один за другим мчались, волнуя командующего и члена Военного совета, зеленые автобусы с красными крестами. Казалось, им не было конца.

Впереди показалось дымящееся селение. Перед въездом в него командующий остановил машину и крикнул раненному в голову солдату, который, пошатываясь, шагал к передовой:

— Гвардеец! Куда путь держишь?

— Туда,— махнул солдат рукой в сторону фронта,— в полк.

— В полк? — удивился командующий и вышел из машины. За ним вышли и остальные, а шоферы мгновенно загнали машины в кусты.— Да что ты, дорогой мой! Ты же еле на ногах держишься. Садись-ка лучше в машину, и шофер отвезет тебя в медсанбат. Здесь недалеко.

— В медсанбат? Нельзя, товарищ генерал,— ка-

чал головой солдат.— Я белорус. Там,— он глядел туда, где грохотало,— за мою радзиму народ змагается.

— Садись, дружок,— вмешался генерал Макаров,— командующий тебе добра желает...

— Командующий?— прошептал солдат и покорно сел в машину.

А Черняховский и Макаров пошли вперед, здесь их должен был встретить представитель комкора.

Рядом еще дымился подбитый гитлеровский танк. За ним во всю стену полуразрушенного кирпичного здания белела надпись.

— «За героическую смерть Юрия Смирнова ответим тройным ударом по врагу. Вперед, товарищи!» — прочитал вслух эту надпись Василий Емельянович.

Навстречу им шел полковник, в котором генерал Макаров узнал замполита командира корпуса.

Полковник рассказал, что в деревне Шалашино в блиндаже нашли распятым рядового гвардейского стрелкового полка Юрия Смирнова.

— Мало того, что распяли, но еще лоб проббили гвоздями, штыком исполосовали лицо, руки, живот. Изверги!

— Какая должна была быть у этого воина стальная воля, если он ради Отчизны пошел на такую мученическую смерть! — произнес генерал Черняховский.

А генерал Макаров уже говорил своему порученцу майору Н. А. Беспалому:

— На НП комкора сразу же запишите все, что нужно для представления Юрия Смирнова к званию Героя.

На НП командира 36-го гвардейского стрелкового корпуса генерала П. Г. Шафранова, расположенном на опушке соснового леса, наблюдая бой, Черняхов-

ский ощутил то, что так радостно волнует душу всякого полководца,— чувство перелома сражения в пользу победы над врагом. Пусть враг бешено сопротивляется, пусть танковая армия еще далеко и только-только входит в полосу прорыва,— командующий уже видел, что еще один, даже небольшой по времени, но сильный по мощи, удар артиллерии и авиации, еще один натиск танков и пехоты — и враг побежит. И Черняховский щедро дал из своего резерва все то, что просил генерал Шафранов: и один вылет дивизии штурмовиков, и два дивизиона «катюш», и лишний боекомплект, и даже людей на пополнение основательно поредевших дивизий.

— Теперь, дорогой генерал, решимость, мужество, быстрота и натиск! — произнес он, прощаясь с комкором.

15

Следующий день уже предвещал победу: ранним утром войска генерала Людникова ворвались в Витебск. Но усталое лицо Василия Емельяновича Макарова было хмурым, когда я вошел к нему в блиндаж.

— Товарищ генерал,— начал я,— погиб Александр, брат командующего, в бою в районе Алексиничей..

Генерал Макаров, боясь, что меня услышат, хотя в блиндаже, кроме нас, никого не было, предупреждающе затряс ладонью.

— Александр? — повторил он. — Ивану Даниловичу ни слова. Ему сейчас очень тяжело. Западнее Витебска — ожесточенные бои. Гольвитцер идет напролом, чтобы вырваться. Танковая армия продви-

гается на рубеж прорыва пока что очень медленно. Танки ползут как черепахи. Там, как назло, такой дождюка прошел, что дороги в низинах и на болотах раскисли... Это Ивана Даниловича очень волнует... Вот армия маршала Ротмистрова войдет в прорыв, тогда я ему сообщу.

Вторая половина дня принесла более радостные вести: войска генерала И. И. Людникова и 43-я армия под командованием генерала А. П. Белобородова ворвались в Витебск и к концу дня освободили город; передовые дивизии армии генерала Н. И. Крылова захватили железную дорогу Орша — Лепель; конномеханизированная группа продвинулась еще дальше — вышла на реку Уллу и с помощью партизан форсировала ее; войска генерала К. Н. Галицкого за эти сутки прошли далеко за шоссе Витебск — Орша; танковый корпус генерала А. С. Бурдейного достиг Погоста, пересек шоссе и железную дорогу Москва — Минск, овладел Старосельем, там повернул на запад и напрямик пошел к Березине; гвардейская танковая армия маршала П. А. Ротмистрова наконец-то вырвалась на Минскую автомагистраль и, поддержанная авиацией, в четыре часа дня овладела двумя населенными пунктами.

— Ну, товарищ Иголкин, кажется, все! Теперь перед нами прямая дорога на Минск! — командующий вручил ему подписанное им и генералом Макаровым донесение в Ставку о взятии Витебска. — Мы сейчас с Василием Емельяновичем едем к маршалу Ротмистрову, — и, проводив его, крикнул: — Кома-ров! Машины!

Через полчаса по Минской автомагистрали мчались две легковые машины-вездеходы, «газик» и бронетранспортер. За вторым виадуком, перекрывающим железную дорогу Орша — Лепель, там, где Мин-

ская автомагистраль прячется в небольшой выемке, командующий остановил машину, и все вышли.

Из-за придорожных кустов показался борода-тый старик в рубище и со слезами на глазах запри-читал:

— Добры дзень, дороженькие наши таварышы! Наконец-то мы вас дачакалися, аслабанители вы на-ши. Дзякуем вам...

Командующий крепко пожал старику руку:

— Добры дзень, отец! Тяжело было под фашиста-ми-то?

— Цяжка, ой як цяжка, сынки мои! — И поли-лась речь старика, полная горечи и печали.

— Чем же тебя, отец, обласкать? — вопрошающе окинул всех взглядом генерал Черняховский. Генера-л Макаров крикнул своему порученцу:

— Беспальый! Посмотри, нет ли у ребят табачку?

Солдаты с полуслова поняли, бросились к броне-транспортёру и притащили весь свой НЗ.

— На, возьми, отец, — Василий Емельянович про-тянул старику хлеб, а солдаты — консервы, сахар и пачки махорки.

— Чаго-й ты, сыночек милый, — замахал руками старик, наотрез отказался взять что-нибудь. — Я тут тоже як бы на варте. Коли што, то павинен хутка своим паведамиць. Они там, — старик показал в сто-рону Орши, где за лесом беспрерывно грохотал бой. — Им ваш камандир баявую задачу поставил.

— Как тебя, отец, величать? — спросил коман-дующий.

— Мяне? Рыгор Яхимчук, товарищ командир.

— А по-батюшке?

— Ничипорович.

— Так вот, Рыгор Ничипорович, берите все это. Чем богаты, тем и рады. А своим товарищам передай-

те,— продолжал Иван Данилович,— что командующий и член Военного совета фронта шлюет свой боевой привет и желают им сегодня же освободить Оршу.

— Дай бог, дай бог...— растерянно лепетал старик, кулаком вытирая слезы.

Вернулись на КП как раз к «последнему часу». Командующий отмечал на карте лишь большие пункты: Жлобин, Горки... Его интересовало, как движутся соседние фронты.

Макаров сидел напротив Черняховского и переживал: сказать или не сказать Ивану Даниловичу о гибели брата? Решил пока не говорить: командующему и в эту ночь предстояла напряженная работа.

— Что-то вы мне, Василий Емельянович, не нравитесь. Нездоровится?

И Василий Емельянович не выдержал. Дрогнувшим голосом сказал:

— Печальная весть, Иван Данилович, брат...

Черняховский с полуслова понял, что с братом случилось что-то страшное.

— Жив?

— Нет, погиб под Алексеничами.

— Когда? — с надрывом произнес Иван Данилович.

— Я узнал вчера.

— Вчера? — глаза вспыхнули обидой. — И до сего времени молчали...

— Молчал, Иван Данилович. В этом водовороте боя не мог. Я знал, как вам будет тяжело... Это сражение — и брат...

— И сейчас не легче...— нервно дернулись губы Ивана Даниловича, а на его скулах, словно от сильной боли, вздулись желваки. Он молча повернулся к окну. Тяжелый вздох вырвался из его груди. — Ведь

какую жизнь мы прожили вместе... Вместе сиротами росли. С ранних лет своим трудом хлеб зарабатывали и семью кормили... Надо в Алексеничи проехать... Но сейчас нельзя. У маршала Ротмистрова опасное положение. От Борисова идет на него полнокровная танковая дивизия. Предстоит жаркий бой...— И Иван Данилович перевел свой взгляд на порученца, стоявшего поодаль с поникшей головой.— Вот что, Алеша,— тихо сказал он.— Поезжай, дружок, на место погребения Саши. Посмотри, что и как там. Если надо, сделай все, как следует. Потом съезди в часть и возьми его личные вещи.

Распахнулась дверь, и вошел сияющий майор В. М. Бабаев — секретарь Военного совета. Этот по природе своей сугубо штатский человек четко, по военному подошел к командующему и доложил:

— Товарищ генерал армии!..— Командующий, услышав это звание, сделал большие глаза, а майор продолжал: — Имею честь вручить телеграмму Верховного Главнокомандующего о присвоении вам звания «генерал армии» и его поздравление.

— Спасибо, товарищ Бабаев,— через силу улыбнулся Черняховский и протянул ему руку.

Поздравили командующего и остальные. Но как-то невесело, сумрачно. Бабаев обвел всех недоуменным взглядом. Генерал армии понял его и тихо ответил:

— Брат мой, Александр, погиб...

Ушел Комаров, вышел и Бабаев, и в комнате нависла неприятная тишина.

— Слезами горю не поможешь,— горестно промолвил Иван Данилович.— Будем, Василий Емельянович, работать... Вот как раз и наш начальник политуправления.

В комнату входил генерал Казбинцев. Он принес

показать Черняховскому и Макарову обращение к войскам. Прочитав его, Иван Данилович посоветовал еще поработать над ним. Макаров и Казбинцев сели к окну и занялись редактированием обращения, а Черняховский вместе с генералом Барановым занялся отработкой вопросов инженерного обеспечения форсирования Березины танковой армией.

Закончив дела, все отправились ужинать. Вернувшись, они узнали радостные вести: севернее Островно капитулировали остатки витебской группировки во главе с генералом Гольвитцером. Наши войска освободили Оршу.

Танковый бой на Минской автомагистрали начался в полдень 28 июня. Танкисты маршала Ротмистрова после короткого, но мощного артиллерийского налета смяли сильный передовой отряд 5-й танковой дивизии и с боем заняли Крупки. А на другой день при эффективной поддержке авиации обрушились всей мощью армии на главные силы этой дивизии, наголову их разбили и остатки погнали к Борисову.

В этот день Ивану Даниловичу исполнилось тридцать семь лет. Первым его поздравил, вручив телеграмму от семьи, подполковник Комаров. Глаза Ивана Даниловича блестели ласковым огоньком, когда он читал ее.

После завтрака командующий и член Военного совета помчались на КП маршала Ротмистрова. Туда же прибыл и маршал Василевский.

Началось форсирование Березины. Все они с тревогой и в то же время с восхищением смотрели, как бойцы стремительно выбегали из лесу, таща за бортовые канаты надувные или складные лодки, с ходу в них садились и плыли по кипящей от разрывов снарядов реке туда, где били пулеметы и автоматы. Не меньшее восхищение вызывали у командования и

саперы, которые в этом аду строили переправы для танковой армии.

Сюда же, на берег, со всех участков фронта шли радостные сообщения: с помощью партизанских бригад конно-механизированная группа и передовые отряды 72-го и 65-го стрелковых корпусов уже форсировали Березину, а южнее гвардейский танковый корпус генерала Бурдейного, тоже при активном содействии партизан, полным ходом шел к Березине.

28 июня пришла директива Ставки, которая приказывала фронту с ходу форсировать Березину и во взаимодействии с войсками 2-го Белорусского фронта не позже 7—8 июля взять Минск, а правым крылом — Молодечно.

И теперь командующий занялся вместе с генералом Иголкиным разработкой мероприятий и организацией боевого обеспечения с целью овладения Минском. До этого Минск был в полосе 2-го Белорусского фронта.

В поздний погожий вечер, когда благоухали липы, за занавешенными наглухо окнами, у длинного стола стоял командующий, обдумывая, как бы взять Минск не 7—8, а 3 или 4 июля. На Минск он нацелил армию генерала В. В. Глаголева, гвардейский танковый корпус генерала А. С. Бурдейного и часть сил гвардейской танковой армии маршала П. А. Ротмистрова...

И вот на рассвете 3 июля раздался долгожданный звонок. Командарм Глаголев докладывал:

— В три ноль-ноль передовой отряд 4-й гвардейской танковой бригады корпуса Бурдейного ворвался в Минск со стороны обсерватории...

Сообщение это обрадовало командующего.

На проводе снова Глаголев:

— Войска продвинулись за Свислочь. Наблюдаю с НП на ДOME правительства красный флаг. Завтра

окончательно очистим Минск от фашистов,— и генерал Глаголев пригласил командующего к себе на новый НП — в самом Минске.

— Большое спасибо, Василий Васильевич. Не смогу.

16

— ...Межкорпус генерала Обухова форсировал реку Нарочь в направлении Сморгони...— докладывал генерал Иголкин.— Войска маршала Ротмистрова овладели Раковым.

— Прекрасно, товарищи! Теперь только вперед! — восторженно произнес Иван Данилович. Но тут вошел офицер и вручил ему телеграмму.

— Ну вот, как я и полагал, директива Ставки на новую — Вильнюсскую операцию.— Если до этого времени генерал Черняховский не сомневался в направлении фронта на Варшаву, а там на Берлин, то теперь, с переносом оси наступления несколько севернее, почувствовал, что фронт нацеливается на Восточную Пруссию. И, надо сказать, загрустил.— Все ясно,— он огорченно стукнул костяшками пальцев по столу,— упремся во Фришес-Хафф или Куришес-Хафф, и нашему фронту конец...

Иван Данилович любил свой фронт и свой штаб, и ему очень хотелось, как, вероятно, каждому командующему фронтом, чтобы его фронт завершил войну победой в центральной Германии, и обязательно в Берлине.

— Так вот, друзья, садитесь — и за дело!

С освобождением Минска армии 3-го Белорусского фронта при содействии партизан неудержимо продвигались на Вильнюс.

Иван Данилович торопился на новый КП, который был подготовлен в районе Сморгони, но на пороге остановился, чтобы позвонить генералу Глаголеву и сообщить, что его армия остается под Минском для ликвидации совместно с 50-й армией генерала И. В. Болдина окруженной группы генерала Мюллера и в связи с этим передается в оперативное подчинение 2-го Белорусского фронта. Так получилось и с армией генерала Людникова: ее оставили под Витебском добивать группировку Гольвитцера. И она волею судеб теперь действует в составе 1-го Прибалтийского фронта.

На новом КП он пробыл недолго: 7 июля Черняховский и Макаров с оперативной группой переехали под Вильнюс. А утром 8 июля части 5-й армии генерала Н. И. Крылова, 29-го танкового и 3-го гвардейского механизированного корпусов генералов Е. И. Фоминых и В. Т. Обухова с трех сторон — с севера, востока и юга — штурмовали город. Сражение за столицу Литвы затянулось на неделю. Гитлеровское командование бросило на выручку вильнюсского гарнизона большие силы. Для организации упорной обороны в Вильнюс из Берлина самолетом был направлен новый комендант гарнизона генерал Штагель с приказом Гитлера: «Держать Вильнюс до последней капли крови».

Черняховский и Макаров навестили А. Ю. Снечука — первого секретаря ЦК КП Литвы (руководство ЦК Компартии Литвы находилось в Ново-Вильне, чтобы уточнить действия партизан в операции.

Антанас Юозович их приходу был рад, усадил за стол и словно заправский командир рассказал, показывая на карте, о действиях литовских партизан:

— Вместе с войсками товарища Крылова сегодня участвуют в боях за Вильнюс четырнадцать отрядов

партизан. А вообще на литовской земле сражается девяносто партизанских отрядов. Так что горит под ногами фашистов наша земля.

11 июля прорвавшийся в Вильнюс 136-й стрелковый полк майора Ш. А. Хамидуллина сбросил с Замковой горы гитлеровцев, и там, на старинной башне Гедиминаса, взвился алый стяг.

Генерал Штагель, все еще надеясь на обещанную помощь, отверг предложение командования 5-й армии прекратить сопротивление и сдаться в плен. Гитлеровцы продолжали неистово сопротивляться. В ночь на 13 июля Штагель собрал все, что у него было, и двинул войско вдоль реки Нерис на Жверинас. Три часа шел бой. В конце концов пять тысяч гитлеровцев сложили здесь оружие и сдались в плен. Так завершилось сражение за Вильнюс.

15 июля начались бои за Неман. В этот день первый секретарь ЦК КП Белоруссии П. К. Пономаренко по ВЧ пригласил Черняховского и Макарова принять участие в празднестве по случаю освобождения Минска, разгрома и ликвидации минского «котла».

Как ни трудно в столь горячее время оставлять фронт, все же они 16 июля вырвались и полетели в Минск.

Горем и смертью веяло от руин Минска. Но не смерть и горе, а народная радость царила здесь в этот погожий день.

Праздник проходил на большом лугу, простиравшемся по берегу Свислочи. Стоя на трибуне, с волнением смотрел Черняховский на горожан, по-праздничному одетых, с цветами в руках, на отважных партизан, двигавшихся в нескончаемых колоннах. Как ему хотелось в этих людях узнать тех, кто, рискуя жизнью, сообщал фронту ценные сведения о про-

тивнике, тех, кто громил фашистские гарнизоны, подрывал пути, пускал вражеские эшелоны под откос, захватывал мосты.

Неожиданно в этой массе людей Иван Данилович увидел бородача Рыгора Ничипоровича. Теперь это был не тот, замученный горем, забитый старик. Построевому шагал, гулко отбивая шаг, бравый и бывалый воин с винтовкой за плечом. И Черняховский замахал ему рукой. Старик в ответ сдернул с головы фуражку и что-то прокричал, и тут раздался чей-то мощный голос:

— Освободителям Минска — ура! — и загремело еще более раскатистое «ура».

— Какая великая сила, Василий Емельянович! — взволнованно прошептал Черняховский.

— Эта сила — наш резерв, — ответил Макаров. — С ней, Иван Данилович, мы будем громить фашистское логово...

— И побеждать! — добавил Черняховский.

Возвращались самолетом. Руины Минска остались далеко позади. Теперь там, внизу, широко простирались белорусские леса, еще недавно наводившие страх на врага; поблескивали своими водами речки и озера, а между ними, радуя душу, яркой желтизной спелых хлебов отливали поля.

«В какой героической борьбе с оккупантами выращен этот хлеб!» — думал Черняховский.

Впереди по курсу самолета, на пожнях излучины реки, показались косцы, — похоже, женщины да подростки. Женщины махали платками, приветствуя самолет, ребята сломя голову неслись за его тенью.

Иван Данилович, прильнув лбом к стеклу иллюминатора, тихо, про себя проговорил:

— Спасибо вам, дорогие труженики полей, и за хлеб, и за помощь Красной Армии.

Косцы уже скрылись, а изгиб излучины все еще тянулся через поле к лесу, напоминая Черняховскому недавно пережитое.

— Что-то интересное увидели? — окликнул его Макаров, сидевший по левому борту.

— Да вот излучину речки. Идите посмотрите. Она вам что-нибудь напоминает?

Василий Емельянович подошел к правому борту и взглянул в иллюминатор. Но самолет уже летел над лесом, и речка скрылась в лесной чащобе.

— Нет, ничего не напоминает, — пожал плечами Макаров.

— А помните нашу радость — это было 8 июля, уже на новом КП, — когда мы с вами поставили на карте, на излучине реки, что километров двадцать южнее Минска, большущий черный крест?

— На Птичи? Как же, помню.

— Так вот эта излучина напомнила тот радостный день, когда генерал Мюллер сделал там, у Самохваловичей, последнюю попытку вырваться из минского «котла», но был разбит и капитулировал. Этим и закончился первый этап Белорусской операции «Багратион». В этой операции, Василий Емельянович, я, как никогда, почувствовал силу нашей партии, армии, партизан и тружеников тыла и вообще единство всего народа нашей великой страны. И это нам надо довести до каждого воина. Ведь им придется прорывать сильно укрепленные линии обороны Восточной Пруссии.

— Я тоже так думаю, — произнес в раздумье генерал Макаров. — Но не надо забывать, какую громадную роль играет наше Верховное Главнокомандование, в делах которого олицетворяется единство партии, армии и народа. По-моему, этот тезис вам следует раскрыть в сегодняшнем выступлении, ког-

да вы будете ставить задачи на Каунасскую операцию.

— Да,— согласился Черняховский.— Но тогда надо хотя бы кратко подвести итог первого этапа операции «Багратион»...— и, обернувшись к порученцу, сидевшему за его спиной, взял у него планшет, из которого вынул блокнот, авторучку, и стал писать.— Перво-наперво, как вы сказали,— взглянув на Макарова, проговорил он,— надо отдать должное Ставке Верховного Главнокомандования и Генеральному штабу. Ведь они разработали план грандиозной по масштабу наступательной операции четырех фронтов. Разом поднялись четыре фронта и взломали «неприступную» оборону врага, а затем с помощью белорусских партизан, двумя сходящимися мощными ударами намертво окружили и разгромили столытишскую группировку противника во главе с генералами Траутом и Миллером. Причем взяли в этом минском «котле» пятьдесят тысяч пленных. Здорово? А это ведь почти шесть полнокровных дивизий! Но это еще не все,— Черняховский некоторое время помолчал.— В результате во фронте «прославленного» генерал-фельдмаршала Моделя, «льва обороны»,— усмехнулся Иван Данилович,— образовалась от Западной Двины до Припяти четырехсоткилометровая брешь и для наших фронтов и соседей открылась возможность в кратчайший срок освободить Белоруссию, затем Литву и приступить к освобождению Прибалтики и Польши. А там — вперед, на разгром логова фашизма. Каково? А пока нам надо форсировать Неман и наступать на Каунас.

Вернулись они на КП в сумерки. В. Е. Макаров направился к себе в политуправление, а И. Д. Черняховский прямо в штаб: его волновал правый фланг фронта.

— Как дела у Крылова? — поздоровавшись, спросил он генерала Покровского.

— Крылов успешно форсирует Неман. Алешин доложил, что Гитлер объявил Неман на участке Каунас — Алитус воротами в Восточную Пруссию и приказал фельдмаршалу Моделю любой ценой удерживать в своих руках Неман. Сюда уже двинуты из глубины значительные резервы.

— Ясно, Александр Петрович, одно: надо срочно разобраться.

Генерал армии Черняховский всегда в большой или малой операции определял главное ее звено. Здесь, по его мнению, главным звеном был Каунас.

— Меня, Александр Петрович, страшит не крепость Каунаса, а ее форты, на которые опирается вся оборона города. Следовательно, брать его в лоб нельзя, — и он решительно провел на карте от фронтов 39-й и 5-й армий две красные стрелы, охватившие Каунас с севера и юга. Причем южную стрелу 5-й армии загнул посильнее. Этой армии он отводил главную роль в окружении и разгроме каунасской группировки. Затем, не теряя времени, связался по ВЧ с командармами и поставил перед ними задачи на всю глубину операции. А к генералу Крылову поехал сам. И там, на КП армии, они рассмотрели все то, что касалось подготовки и организации наступления.

29 июля в полдень, когда командующий в ходе сражения высмотрел у противника слабое место и решил здесь ввести танковый корпус генерала Бурдейного, вдруг зазвонил ВЧ. Трубку взял генерал Марков и тут же протянул ее генералу Черняховскому:

— Москва. Товарищ Сталин.

— Сталин? — удивился Иван Данилович, хотя это было не впервой.

— Советское правительство наградило вас второй

медалью «Золотая Звезда». Поздравляю! Желаю успеха,—проговорил И. В. Сталин и, конечно, поинтересовался, как дела под Каунасом.

Иван Данилович поблагодарил ЦК партии и правительство, коротко доложил обстановку и заверил Верховного, что Каунас будет освобожден в срок.

1 августа Каунас был полностью освобожден от немецко-фашистских захватчиков. Теперь уже ничто не могло остановить продвижение наших войск, и они настойчиво теснили противника к границе Восточной Пруссии.

Придавая выходу на границу Пруссии большое политическое значение, командующий всячески помогал армиям. Теперь, как бы ни был он занят, с нетерпением ждал от них добрых вестей. И вот утром 17 августа — звонок. На проводе генерал Крылов.

— Товарищ генерал армии,—восторженно докладывал он,—сегодня в семь тридцать воины 4-й роты 262-го стрелкового полка полковника Юркова дивизии генерала Бацана Бадминовича Городовикова, возглавляемые командиром роты старшим лейтенантом Зайцевым, первыми прорвались на границу Восточной Пруссии на участке бывшей нашей пятьдесят шестой погранзаставы и под громовое «ура!» водрузили красное знамя Родины.

— Большое спасибо. Как противник?

— Мечет гром и молнии,—отвечал генерал Крылов.—Жмет изо всех сил.

— Николай Иванович, все ясно. Рейнгардт стремится встречными ударами затянуть петлю вокруг наших дивизий, прорвавшихся к границе. А чтобы этого не получилось, на границе закрепить и дальше ни шагу.

Ставка Верховного Главнокомандования, учитывая, что за два месяца непрерывных сражений части

понесли большие потери, да и люди измотались, 29 августа приказала командованию 3-го Белорусского фронта перейти к обороне. На фронте наступила тишина.

Первую половину сентября командующий Черняховский и член Военного совета Макаров почти все время находились в войсках.

Возвратясь из войск и решив все текущие дела, Иван Данилович сел за рабочий стол — а это зачастую было за полночь, — скрупулезно изучал Восточно-Прусский театр военных действий.

Анализируя каждую полосу обороны гитлеровцев, он искал более рациональное решение операции. И когда ему стало все ясно, он пригласил к себе генералов Макарова, Покровского, Иголкина, всех командующих родами войск и засел с ними за разработку плана наступления и разгрома восточнопрусской группировки — группы армий «Центр», которой теперь командовал не раз битый генерал-полковник Рейнгардт.

В середине сентября генерала армии Черняховского и генерала Макарова вызвали к Верховному Главнокомандующему. Уже была ночь, когда И. Д. Черняховский докладывал Сталину план наступательной операции в Восточной Пруссии, обстоятельно подкрепляя его расчетами сил и средств фронта. Одновременно он коротко, но полно рассказал о группировке противника и трудностях прорыва его обороны. Верховный план операции утвердил и спросил, чем помочь фронту.

— У командующего артиллерией маршала Воронова, товарищ Сталин, есть тяжелая минометная бригада, которая еще не была испытана в боевых условиях. Просим придать ее нашему фронту для усиления огневой мощи.

Сталин тут же позвонил маршалу артиллерии Н. Н. Воронову и, получив ответ, что такая бригада действительно есть и во фронтовых условиях еще не испытывалась, приказал немедленно передать ее 3-му Белорусскому фронту.

На другой день, 16 октября, туманным утром войска 3-го Белорусского фронта начали штурм предполья Гумбинненского и Литценского укрепленных районов. Командующий перебрался на НП — на самый верхний этаж одного из окраинных домов Вилкавшкиса.

Все шло так, как он предвидел: на главном направлении части 5-й и 11-й гвардейской армий с ходу овладели передним краем, а через час и всей первой позицией противника. К огорчению командармов да и командующего фронтом, брошенный противником в сражение резерв и не подавленные из-за плохой видимости минометы и артиллерия остановили продвижение войск армий. Вот тут и началось то, что называется «прогрызание обороны».

За первые два дня ударная группировка 5-й и 11-й гвардейской армий все же сломала упорное сопротивление врага и продвинулась на 11—18 километров.

Более всех преуспел 16-й гвардейский стрелковый корпус генерала С. С. Гурьева. Из действий этого корпуса Черняховский сделал вывод: если командарму-11 генералу Галицкому основательно помочь танками, то он упредит выход оперативных резервов противника к Шталлупенену и сильным ударом на Гумбиннен овладеет этим важным городом-крепостью. Командующий, посоветовавшись с командармами, 19 октября ввел в полосу армии генерала Галицкого 2-й гвардейский танковый корпус генерала А. С. Бурдейного, а на шталлупененском направле-

нии — 1-й танковый корпус генерала В. В. Буткова, подчинив их в оперативном отношении командармам.

В результате оба корпуса — Бурдейного и Гурьева — за один день прорвались на глубину 20 километров. На другой день они овладели опорным пунктом и форсировали реку Роминте. А танковый корпус генерала Бурдейного, усиленный стрелковой гвардейской дивизией, к исходу дня прорвался с юга к Гумбиннену. К утру 22 октября здесь создалась острая обстановка.

Черняховский принял решение 11-й гвардейской армии перейти к обороне, а войска, прорвавшиеся к Даркемену, отвести на восточный берег реки Роминте. О ходе наступления он ежедневно докладывал по ВЧ в Ставку. Иногда трубку брал Сталин. Его замечания, в которых чувствовалась неудовлетворенность успехами фронта, каждый раз вызывали горечь. Сегодня они были горше прежних и тяжелым камнем давили на душу Ивана Даниловича.

И вот 23 октября приказ Верховного Главнокомандования положил конец переживаниям. В этот день «в последний час» передавался приказ Верховного Главнокомандующего: «Войска 3-го Белорусского фронта, перейдя в наступление при поддержке массированных ударов артиллерии и авиации, прорвали долговременную, глубоко эшелонированную оборону немцев, прикрывавшую границы Восточной Пруссии, и вторглись в пределы Восточной Пруссии на 30 километров в глубину и 140 километров по фронту».

Москва салютовала 3-му Белорусскому фронту в честь одержанных им побед.

С быстротой молнии приказ этот дошел до воинов. И они ринулись на врага. На второй день после

приказа был окончательно сокрушен сильный узел обороны гитлеровцев город Шталлупенен.

27 октября командующий фронтом с разрешения Ставки отдал приказ перейти к обороне.

Впереди предстояла Инстербургская операция, куда более трудная и сложная, чем Гумбинненская. К разработке плана Инстербургско-Кенигсбергской операции Ставка привлекла генерала армии Черняховского.

Возвратясь из Москвы, Черняховский вместе с генералами штаба и родов войск приступил к разработке плана этой операции. Решение было оригинальным. Вначале предполагалось правым крылом — двумя армиями совместно с армией 1-го Прибалтийского фронта — за пять дней уничтожить тильзитскую группировку, прорвать оборону укрепрайона и выйти на рубеж Тильзит — Инстербург. Затем главными силами фронта нанести удар на Инстербург, в двое суток окончательно разгромить тильзитско-инстербургскую группировку, остатки ее отбросить еще километров на тридцать и дальше продолжать наступление вдоль реки Прегель на Велау, Кенигсберг.

Ровно в девять 13 января «катюши» огненными залпами возвестили начало наступления. Пехота двинулась вместе с танками и САУ на штурм самого сильного рубежа обороны Восточной Пруссии.

Противник упорно сопротивлялся, и войска фронта к исходу дня продвинулись только на 2—4 километра.

В ночь на 14 января корпуса в армиях генералов Крылова и Лучинского ввели свои вторые эшелоны. Командующий 3-й танковой армией врага генерал Раус тоже подтянул против них свежие резервы. И утром развернулось еще более ожесточенное сра-

жение. Обе стороны несли большие потери. Только сильная воля и уравновешенность удерживали командующего от выдвигения своего резерва на усиление армий.

— Еще не время, товарищи,— отвечал он тем, кто предлагал помочь армиям за счет второго эшелона 11-й гвардейской армии.— У Крылова и Лучинского своих сил хватает. К тому же надо подождать, куда Раус двинет пятую танковую дивизию и те силы, что у него в Инстербурге.

На третий день операции, 15 января, как и ожидал командующий, наступил перелом. Войска фронта наконец прорвали главную полосу обороны. В этот день, как и предполагал Черняховский, генерал Раус снял с севера 5-ю танковую дивизию и двинул ее на усиление гумбинненского рубежа обороны.

— Вот теперь Крылову надо помочь танками,— решил командующий и ввел в стык двух корпусов 5-й армии танковый корпус генерала Бурдейного.

На пятый день операции танковый корпус генерала Бурдейного совместно с войсками 5-й армии, несмотря на разыгравшуюся пургу и снегопад, прорвал вторую полосу обороны, перехватил здесь дорогу на Гумбиннен, чем напугал не только генерала Рауса, но и самого генерала Рейнгардта. И тот, опасаясь, что русские могут прорваться еще дальше, приказал Раусу вывести отсюда войска.

— Рейнгардт дрогнул. А раз так, то пора вводить второй эшелон фронта — армию Галицкого. Но где? — рассуждал вслух командующий. И он принял смелое решение.

11-я гвардейская армия Галицкого, мужественно совершив в снегопад и буран 50-километровый марш, 19 января вышла к реке Инстер и двинулась дальше. Ночью 22 января передовые части армии гене-

ралов К. Н. Галицкого и Н. И. Крылова ворвались в Инстербург и к утру очистили его полностью. Во второй половине того же дня войска Галицкого завязали бой за Велау, а к ночи очистили от врага этот сильный опорный пункт на пути к Кенигсбергу.

Остальные армии фронта тоже преуспевали. Они, преследуя противника, в этот день вышли к очень важным рубежам: на севере — к реке Дейме, на юге — к реке Ангеррап.

— Раус отсечен от четвертой армии Хоссбаха, а это, друзья, уже половина победы! — восторженно произнес Иван Данилович, подписывая очередное донесение в Ставку. — Теперь только быстрота и натиск. Признаюсь, хочется Кенигсберг в лоб не брать, а обойти его и уж после этого штурмовать.

17

С этого дня командующий фронтом делал все, чтобы армии генералов Галицкого и Людникова вышли севернее и южнее Кенигсберга к Фришес-Хаффу. И все свершилось так, как задумал И. Д. Черняховский. 29 января армия генерала Галицкого вышла на берег Фришес-Хаффа, а на другой день армия генерала Людникова, выйдя на северный берег Фришес-Хаффа, развернулась фронтом к Кенигсбергу. Но эту радостную весть генерала Людникова омрачило сообщение генерала Галицкого: дивизия генерала Чернова оттеснена от залива за автостраду, к железной дороге.

Черняховский понимал, что все это произошло из-за малочисленности частей, и приказал коман-

дармам прекратить наступление, прочно закрепиться на достигнутом. А через пять дней по этой же причине приостановил наступление и всех частей фронта, чтобы пополнить их людьми и боевыми средствами, подтянуть тылы, которые отстали от фронта.

Вскоре Ставка Верховного Главнокомандования реорганизовала 3-й Белорусский фронт. Северная его половина передавалась 1-му Прибалтийскому фронту, а нашему фронту прирезалась большая половина полосы южного соседа — 2-го Белорусского фронта вместе с тремя общевойсковыми и 5-й гвардейской танковой армиями.

9 февраля последовала директива Ставки. Она приказывала не позднее 20—25 февраля разгромить 4-ю армию, которая осела в Хейльсбергском укрепленном районе.

Задача предстояла сложная. Надо было прорвать на 180-километровом фронте глубоко эшелонированную оборону. Причем времени на разработку и на подготовку войск не было.

Решено было сходящимися ударами армий правого и левого крыльев фронта прижать хейльсбергскую группировку к заливу Фришес-Хафф, а силами 5-й гвардейской танковой армии ударом вдоль берега залива и на Хейлигенбейль прикрыть выход противнику к побережью и не дать ему возможности переправиться через залив на косу Фрише-Нерунг.

Наступление началось 10 февраля. И опять капризная погода работала на врага: то мороз, то снегопад, то свирепствовала метель — и вдруг наступала оттепель. Ко всему этому противник, находясь под страхом приказа Гитлера, упорно держался за каждую огневую точку, за каждую позицию. И все же наши войска хотя и медленно, но уверенно продвигались вперед, особенно на флангах фронта.

В то же время армия генерала Крылова застряла. Иван Данилович решил поехать к нему.

18 февраля командующий, как всегда, подписал оперативную сводку, переговорил с Покровским и Макаровым и уехал в 5-ю армию. Там он познакомился с обстановкой, разобрался в причинах задержки продвижения армии, а затем вместе с начальниками родов войск разработал на все этапы наступления боевое обеспечение пехоты танками, артиллерией, минновзрывными средствами и даже боеприпасами. Закончив все дела у Крылова, Черняховский позвонил Покровскому и сообщил, что «проскочит» прямо к генералу Горбатову, в 3-ю армию. Затем соединился с Александром Васильевичем по телефону и попросил его уточнить место нахождения штаба 3-й армии. Горбатов объяснил, как безопаснее проехать к нему, предупредил, что шоссе между Бернштейном и Мельзаком обстреливается противником. То ли Черняховский не слышал предупреждения генерала Горбатова, то ли пренебрег им, но поехал он напрямик. И когда его «виллис» подъезжал к Мельзаку, прогремел выстрел, впереди разорвался снаряд.

«Еще не рассеялся дым и пыль, как я уже был около остановившейся машины,— рассказывал позже генерал Горбатов.— В ней сидело пять человек: командующий фронтом, его адъютант, шофер и два солдата. Генерал сидел рядом с шофером. Он склонился к стеклу и несколько раз повторил: «Ранен смертельно, умираю».

Я знал, что в трех километрах медсанбат. Через пять минут генерала осматривали врачи. Он был еще жив и, когда приходил в себя, повторял: «Умираю, умираю, умираю». Рана в груди была смертельной. Вскоре он скончался».

Это печальное сообщение сильно потрясло генерала Макарова. Я не слышал, что говорил ему по телефону Горбатов, но по резко изменившемуся лицу, по испуганным глазам и по необычному повторению им «Боже мой, боже мой» понял, что кто-то погиб, но что погиб Иван Данилович, я мысли не мог допустить.

— Погиб Иван Данилович,— горестно промолвил Василий Емельянович.— Такой человек...

Не хотелось верить, да не только мне, но и всем, кто знал Ивана Даниловича, видел и общался с ним. Его уважали, больше того — любили и гордились им все воины фронта.

Утром 19 февраля о трагической смерти генерала армии И. Д. Черняховского узнала вся страна. Газета «Правда» на первой полосе поместила в траурной рамке большой портрет и правительственное сообщение:

«Совет Народных Комиссаров СССР, Народный Комиссариат Оборона СССР и Центральный Комитет ВКП(б) с глубоким прискорбием извещают, что 18 февраля скончался от тяжелого ранения, полученного на поле боя в Восточной Пруссии, командующий 3-м Белорусским фронтом генерал армии Черняховский Иван Данилович — верный сын большевистской партии и один из лучших руководителей Красной Армии.

В лице товарища Черняховского государство потеряло одного из талантливейших молодых полководцев, выдвинувшихся в ходе Отечественной войны.

Похороны генерала армии Черняховского И. Д. состоятся в городе Вильнюс — столице Литовской Советской Республики, освобожденной от немецких захватчиков войсками генерала армии Черняховского...

Память генерала армии Черняховского И. Д. увековечивается сооружением ему памятника в городе Вильнюс...»

В этот же день покойного Ивана Даниловича перевезли из Мельзака в штаб фронта.

Во всех частях фронта был зачитан приказ Верховного Главнокомандующего:

«Сегодня, 20 февраля, в 17 часов в столице Советской Литвы городе Вильнюс (Вильно) состоятся похороны генерала армии Черняховского И. Д., командовавшего войсками 3-го Белорусского фронта.

Армия и флот Советского Союза склоняют свои боевые знамена перед гробом Черняховского и отдадут честь одному из лучших полководцев Красной Армии.

Приказываю: в час погребения генерала армии Черняховского отдать умершему последнюю воинскую почесть и произвести в столице нашей Родины Москве салют в двадцать четыре артиллерийских залпа из ста двадцати четырех орудий».

Великий русский революционный демократ Виссарион Григорьевич Белинский, рассуждая о достоинствах человека, сказал: «У всякого человека есть своя история, а в истории свои критические моменты; и о человеке можно безошибочно судить только смотря по тому, как он действовал и каким является в эти моменты, когда на весах судьбы лежали его и жизнь, и честь, и счастье. И чем выше человек, тем история его грандиозней, критические моменты ужаснее, а выход из них торжественнее и поразительнее».

Таким был замечательный человек и славный полководец генерал армии Иван Данилович Черняховский.

15 коп.

ПОЛИТИЗДАТ • 1978